

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ОХОТНИК

ЗДЕСЬ СЛЕЗАМ НЕ ВЕРЯТ

Евгений Владимирович Щепетнов
Охотник. Здесь слезам не верят
Серия «Новый фантастический
боевик (ЭКСМО)»
Серия «Охотник», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23286664

*Охотник. Здесь слезам не верят : [фантастический роман] / Евгений
Щепетнов. : «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-95006-5*

Аннотация

Сергар Семиг, боевой маг, изгнанный из своего мира в наш, а ныне – бывший инвалид-колясочник Олег, никогда не думал, что у него будет так много денег. Ему нравилась здешняя цивилизация, которая давала столько шансов заработать и столько возможностей потратить, что только диву даешься. Да, здесь, в отличие от родного мира Сергара, нет магии... Вернее, она есть, нужно только знать, как к ней подключиться. А уж за этим у Сергара-Олега дело не станет. И горе тем врагам, которые встанут у него на пути...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	50
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Евгений Щепетнов

Охотник. Здесь слезам не верят

Глава 1

Он ехал в неизвестность. Зачем? По большому счету и сам не знал. Ну, вот что ему еще нужно было от жизни? Что он хотел и мог получить там, куда собирался попасть? Деньги? Денег у него было сколько угодно. Вернее – столько, сколько ему было нужно, и больше того. Больше, чем может потратить на себя.

Сергар, а ныне – Олег, никогда не думал, что у него будет столько денег и столько возможности их заработать. И еще больше – возможности потратить заработанное.

Эта цивилизация давала такие шансы, такой простор для фантазии желающего что-то потратить, что только диву даешься – как же глубоко земная цивилизация увязла в потреблении! Как изощренны те, кто просто-таки приказывает людям: «Купи! Купи! Купи! Это – самое лучшее! А это – самое новое! А это... это... это...»

Мир Сергара Семига был совсем другим. На Земле его называли бы «средневековым». И, в общем-то, правильно –

никаких тебе самолетов, поездов, автомашин, электричества и телевизоров – конные повозки, парусные корабли и битвы, с мечами и копьями. Как когда-то и было в прошлом Земли.

Однако существовало одно огромное отличие мира Сергара от земного мира – здесь не было магии, а на родине Сергара была.

Впрочем, не совсем так. Магия – она везде магия, и в других мирах, и на Земле, вот только подключиться к Океану магии, бушующему где-то в неведомом магическом пространстве, может не каждый. На Земле – практически никто. Никто, кроме тех, чей дух перенесся в этот мир и вселился в тела землян по воле капризных богов, или бога – у кого уж какая религия.

Сергар подключиться к магии мог. Мало того, он сумел подключиться так, что держал «магопровод» открытым круглые сутки, и это давало ему гигантские преимущества перед обычными магами – такими, каким ранее был он сам, Сергар Семиг, бывший боевой маг, а затем охотник за магическими артефактами, «ныряющий» в поисках сокровищ в Мертвые земли, туда, где бродят толпы живых мертвецов и обитает неисчислимое множество чудовищ-мутантов, рожденных прихотью магов во время войны между двумя враждующими империями.

Такой магический артефакт некогда перенес сознание Сергара на Землю, в тело инвалида-колясочника Олега, много недель лежавшего в коме, в состоянии овоща, медленно

и неотвратно умирающего после тяжелых травм, полученных в катастрофе, и попытки самоубийства, предпринятой Олегом в минуту душевной слабости...

С тех пор как чужак «заселился» в тело Олега, прошло не так уж и много времени. Сколько? Сергар уже точно и не помнил. Год? Полтора? Не больше. Но за это время он из инвалида-колясочника превратился в высокого, сильного, здорового молодого мужчину, владельца клинического комплекса с самой современной медицинской аппаратурой, а еще – в могучего лекаря, способного возвращать молодость и делать красивым внешность любого человека.

Именно на этом он и заработал свой капитал. И теперь мог немного отдохнуть, оставив за себя в клинике двух своих помощниц – Машу и Таню, помощниц и любовниц – если не сказать больше. Можно назвать их и женами. И партнершами по бизнесу – каждая из них имела небольшую долю в предприятии Сергара. Нет, не Сергара. Олега, Олега Петровича Васильева, предпринимателя, врача, народного целителя, главы акционерного общества «Семиг».

За окном мелькают деревья, простирается земля – огромная, бесконечная... чужая.

Или уже не чужая? Наоборот – прежняя жизнь, в своем мире, кажется уже чем-то нереальным, далеким, как сон, который приснился под утро, и ты вскочил весь в холодном поту, с радостью понимая, что это всего лишь кошмар.

Что он видел, Сергар Семиг, в своей не такой уж и дол-

гой жизни? Детство? Оно было хорошим, просто замечательным! Любящие родители, свой дом, достаток и покой.

А потом... Ничего. Ничего, кроме огня сражений, крови, грязи и вечных мыслей о том, что, наверное, он все-таки выбрал не ту работу, совсем не ту.

Никогда боевые маги не становятся богачами. Максимум, на что они могут рассчитывать – хорошее жалование и выходное пособие по окончанию контракта. Если доживут, конечно.

Он дожил. Один раз дожил, два раза дожил... а потом война закончилась, оставив после себя мертвые города, магические зоны, в которых совершенно невозможно жить, разрушенную страну, в которой можно лишь существовать, но не жить.

Империи Кайлар не стало. Как не стало и боевого мага Сергара Семига.

Нет, нынешняя жизнь, земная, гораздо лучше. Впрочем, это не то слово, это здесь – жизнь. А то, у себя на родине – не было жизнью. Теперь Сергар молод, красив, богат и уважаем. Его желают женщины, уважают мужчины. А что еще нужно от жизни?

Возможно, хотелось общения с себе подобными? Спросить, как они, «переселенцы», устроились в этом мире, не признающем магии? Ведь если верить «бабке Наде», лекарке, которая вылечила Олега-Сергара, когда он был инвалидом-колясочником, на Земле находятся сотни, а то и тысячи

тех, кто когда-то перенесся в этот мир так же, как и Сергар, тех, кто оказался в чужом теле по прихоти неведомой силы! Как они здесь живут? Почему о них ничего не слышно, не пишут в газетах, не говорят по телевидению?

Вообще-то, если быть точным, не совсем так: иногда магов все-таки называют экстрасенсами... Но те ли это маги? Может, и вправду это настоящие маги, те, кто жил в мире Сергара? Или нет?

Телевизионные передачи, которые рассказывали об экстрасенсах, не отличались научным подходом к этому вопросу. Так... развлекаловка для домохозяек. Сказки, не стоящие внимания. И все-таки... он поехал на поиски этих самых экстрасенсов.

Глупо. Ну, хорошо – вот нашел он того, кто жил в его родном мире. И что ему скажет? «Привет, ты откуда?» Так, что ли? А вдруг тот, другой, окажется из Зелана, из тех магов, с которыми он, Сергар, воевал всю свою осмысленную жизнь? И что тогда? Вцепляться в глотку? Пускать огнешар? Молниями забить?

Ох, непростые вопросы. Совсем не простые. Впрочем, как и вся его жизнь.

Сергар вздохнул, отвел взгляд от вида за окном. Сбросил ботинки и с удовольствием растянулся на мягком диване. Нет, все-таки не зря он решил ехать поездом, хотя так и подмывало попробовать – как это, летать по воздуху, как птица?!

Всему свое время. Оттуда, из Москвы, полетит самолетом, а пока – вот так, в «мягком» вагоне, со всеми удобствами. Когда у тебя есть деньги, не задумываешься о цене – просто покупаешь то, что хочешь. Хочется ехать в самых лучших условиях, одному, без попутчиков – пожалуйста! Заплати в десять раз больше, чем за обычный билет – и поезжай!

Да... хорошо быть здоровым и богатым, и плохо – бедным и больным. Старая, банальная, но актуальная истина.

Девчонки просились поехать с ним, плакали, ругались, валялись в ногах – обожают его! Но только не потому, что на самом деле любят... наверное. Потому что во время лечения возникает некий эффект – пациент влюбляется в лекаря. Нет, влюбляется – плохое слово, пациент буквально подчиняется своему врачу и сделает почти что все, что тот попросит. Или потребует.

Сергар лечил Машу и Таню не один раз. Машу – после того, как ее избili и изнасиловали бандиты, Таню – когда она заболела менингитом и практически превратилась в «овощ».

А потом он сделал из обеих ослепительных, потрясающих воображение красоток, изменив их тела и лица, уже и так красивые от рождения, в нечто совершенное, такое, что захватывает дух у любого мужчины, впрочем, и у любой женщины, мечтающей стать хотя бы отдаленно похожей на этот идеал совершенства.

Почему у боевого мага, который ранее совсем слабо владел приемами лечения, открылось такое лекарское умение,

Сергар не знал. То ли он обрел такое могущество во время перехода в параллельный мир, то ли бабка Надя, восстанавливая его израненную в аварии плоть, случайно открыла какие-то каналы в его мозгу, но только теперь он был лучшим в мире врачом, лекарем, для которого не было неизлечимых болезней. И что с того, что боевые возможности Сергара стали очень слабыми, несравнимыми с теми, которыми он обладал в своем мире – на это плевать! Быть великим лекарем, лучшим из лучших – это ли не достойная мечта человека? И если для этого нужно потерять свои боевые способности – пусть будет так. Пусть.

Впрочем, беззащитным его назвать трудно. Во-первых, он в совершенстве владеет боевыми искусствами, двадцать лет службы в армии Кайлара, в элитной части – это тебе не на лугу гусей пасти!

Во-вторых, хотя магические боевые способности стали слабыми, совсем они не исчезли. Если раньше он был орудием главного калибра, то теперь – чем-то вроде крупнокалиберного пистолета, что тоже совсем недурно. Ну не сможет он теперь сжечь колонну всадников, накрыв их «Огненным покрывалом Шринка», и что? Плевать на покрывало, плевать на Шринка, Сергар не собирается участвовать в войнах больше никогда! А чтобы эффективно защитить себя – его способностей более чем достаточно! Он уже доказал это, уничтожив банду Вампира, всех его боевиков вместе с главарем, бывшим спецназовцем.

Нет, ему сейчас точно хорошо. Лучше и быть не может. Или может? По телевизору показывают такую замечательную жизнь, что дух захватывает! Где-то ласково плещется прозрачная океанская вода, растут странные деревья с огромными листьями – их здесь называют «пальмы». Белые корабли, двигающиеся без парусов, увозят людей в сверкающую даль, и так хочется все это увидеть самому, своими глазами! Попробовать, пощупать, втянуть носом морской ветер, наполнить грудь ледяным воздухом горных вершин!

Боги, как же хорошо жить! В мире, покое, довольстве, молодым и здоровым! Может, он сейчас в раю?!

Сергар-Олег улыбнулся, вздохнул и закрыл глаза в приятной дреме. Колеса вагона выстукивали незатейливую мелодию – тук-тук... тук-тук... тук-тук... Хотелось вот так ехать, и ехать, и ни о чем не думать! Зря, наверное, оставил своих подруг. Сейчас их не хватало. Какая может быть счастливая жизнь без красивой женщины?

Любил ли он их, своих девчонок? Наверное, нет. Сергар вообще сомневался, что способен кого-либо полюбить. Ну вот что такое любовь? Это когда все на разрыв, когда душа трепещет, в предвкушении прикосновения к любимой женщине, когда снится тебе только она, когда мечтаешь только о ней, когда готов на любое безумство ради того, чтобы увидеть улыбку на ее желанных губах!

Сергар видел такое безумство и знал, что заканчивается оно всегда очень нехорошо. Пагубная страсть, эта самая лю-

бовь. Так погиб друг, Ион, которого ревнивая любовница убила прямо посреди толпы при онемевших от удивления друзьях. Да и один ли Ион так пострадал, и еще пострадает? Травят и травятся, вешаются и убивают – так нужна ли эта проклятая «любовь»?! Может, правильно так, как он, Сергар?

Да – без женщин не может, но эти женщины для него друзья, партнеры, любовницы, не более того.

Да – он может убить за друзей, он может отдать последние деньги другу, но... любовь, это нечто другое! Наверное.

В полудреме, на грани глубокого сна и яви, привиделась мать. Она что-то говорила, указывая на изображение Создателя, стоявшее на тумбочке, но Сергар никак не мог понять – что же мать говорит? Слова вроде понятны, но в предложения не складываются. Будто Сергар пытается понять древний, совсем древний язык, где похожие на нынешние слова имеют уже совсем другой смысл!

Потом лицо матери вдруг затуманилось, а когда туман разошелся – проступили черты лица матери Олега, Марии Федоровны. Она улыбалась и «делала ручкой». Сергар тоже улыбнулся, помахал ей, посмотрел вниз, на себя... и вдруг обнаружил, что он – это на самом деле тот Сергар, что некогда молоденьким, глупым юношей ушел воевать, бросив дом, бросив могилы родителей, умерших во время эпидемии чумы.

Вот ведь парадокс – лекарка, одна из самых сильных в

провинции, сумела спасти сотни людей от неминуемой гибели, но себя не уберегла! Вот как назвать это все? Подлость?! За что?! Зачем Создатель ТАК поступил?! Зачем лишил его самого дорогого, что есть в мире – семьи, любящих родителей?!

Сергар тогда вдребезги разбил статую Создателя. Топтал ногами осколки, матерно ругался, а потом плакал долго, навзрыд, как плачут лишь обиженные дети. Это был последний раз, когда он плакал. Тогда, вероятно, молодой маг выплакал все слезы, что были ему отпущены судьбой.

И настала новая жизнь. Не сказать, чтобы плохая – бессмысленная, так будет точнее. Разве есть смысл в войне? Бесконечные переходы, сражения, тупость командиров, воровство офицеров обеспечения, пьянки в трактирах на отдыхе в тылу, и снова – дождь, холод, слякоть и вонь разорванных огнешарами трупов. За что это все досталось ему? Такая судьба, да?

Только Создатель знает – за что, но спросить его нельзя – сколько ни возноси молитвы, все равно не ответит. Впрочем, Сергар бывал религиозным только тогда, когда над головой проносились смертельные огнешары, а на позицию, где закрепились маги, неслась тяжелая конница. Но в такие моменты жизни и неверующий уверует.

Зачем жил? Да кто знает... зачем живут сотни тысяч, миллионы людей? Наверное, ради самой жизни? Сказал Создатель: «Идите, живите и размножайтесь!» Вот и живут, и раз-

множаются...

Мелькали картинки из давнего прошлого, смешивались с картинами нынешней жизни, причудливо переплетаясь, обретая странные смысловые оттенки. Но это же сон, а во сне все возможно. Впрочем, кто знает, может, вся жизнь – это сон?

* * *

Москва встретила Сергара шумом, толпой народа, несущегося куда-то по своим, вероятно очень важным делам. Раньше ему казалось, что в областном городе очень много, слишком много людей, и они все непонятно зачем торопятся – чушь! По сравнению с Москвой, ТАМ, в областном городе, все ходят медленно, плавно, будто спросонок. ЭТИ люди неслись по улицам так, что казалось, будто за ними гонятся черти. Или сборщики податей, собирающиеся содрать с должника три шкуры.

Сергар никогда не был в таком огромном городе. Все население Кайлара, вероятно, уместилось бы в одном районе Москвы, и, скорее всего, место бы еще и осталось. Как можно жить так – в человеческом муравейнике, там, где ты никого не знаешь, среди людей, которым ты неинтересен и абсолютно безразличен?

Почему-то вспомнились Мертвые города – толпы живых мертвецов, шатающихся по заброшенным улицам, набивав-

шихся в брошенные дома. Чем они питаются? Как поддерживается жизнь в этих холодных телах? Никто не знал, и честно сказать – никто и не интересовался, откуда взялись эти бродячие трупы. Да кому это нужно? Истерзанному войной и захватчиками Кайлару? Или Зелану, пирующему на останках своего извечного врага-брата?

Главное, что интересовало победителей – подати, и чтобы – в срок. Ну и немного – сколько живых мертвецов уничтожено граберами вроде Сергара, забирающимися в Мертвые города ради премиальных, получаемых за каждого убитого мертвеца, за диковинного монстра, за каждый найденный боевой артефакт.

Нет, люди на улицах Москвы совсем не были похожи на живых мертвецов, но было в них что-то от ЭТИХ, неведомой волей поднятых из могил несчастных людей, возможно – наличие безумной целеустремленности, заставляющей бежать непонятно куда, с взором, направленным в пустоту! У живых мертвяков бывало такое, и не раз – вдруг, все сразу, по одному и группами они начинали свой странный и страшный бег, проносясь по улицам заброшенного города к неведомой цели, которую Сергар так и не смог определить. Бежали молча, зная, куда бегут, глядя в мир мутными, как ищарапанное стекло, глазами.

Трижды за свою жизнь он видел «Мертвый бег», и каждый раз едва успевал спрятаться в какую-нибудь щель, под дом или в канализацию, чтобы не быть растерзанным, рас-

топтаным стадом бегущих мертвецов.

Впрочем, возможно, о москвичах – это лишь субъективное ощущение, не имеющее никакого отношения к действительности. Возможно, что Сергара, который не любил массовых скоплений народа (это напоминало ему о полях сражений), раздражала толпа, обтекающая его, как воды ручья обтекают камень, скатившийся откуда-то с горы.

Он и сам себе сейчас казался камнем, который долго скакал по ухабистым склонам горы под названием «жизнь», и ухнувшим в горную реку, в чужую судьбу, подхватившую его и покотившую вниз по течению. Речной поток ослабевает, и тогда Сергар-камень лежит на месте, переводя дух, то вдруг становится яростным, мощным, безжалостно толкая дальше, к неизвестному будущему – может быть, в конце концов этот «камень» найдет успокоение в тихой речной заводи, забыв наконец о тревогах и печали, а может, его, в конце концов, принесет к водопаду и со всего размаху ударит о твердое речное дно, перемалывая в каменную пыль. Никто не знает своей судьбы. Никто. Боги? Они, вероятно, знают судьбу каждого человека. Если, конечно, боги существуют на самом деле.

У Сергара не было с собой вещей, кроме небольшой сумки с походными принадлежностями – зубная щетка, паста, небольшой планшет, с которого можно выходить в Интернет, смена белья и носков, ну и... все. Туристическая сумка, которая висела на плече, бумажник с кредитными картами и пачкой наличных в разных валютах – зачем человеку с день-

гами много вещей? Зашел в магазин, купил все что нужно, а когда эти вещи надоели – бросил их и купил новые.

Легко жить богатею, особенно если он не дорожит деньгами, зная, что всегда сможет заработать столько, сколько нужно. На банковской карте Сергара лежало пять миллионов евро – чего ему беспокоиться о своем будущем?

Прежде чем отправиться туда, куда изначально направлялся, решил погулять, посмотреть Москву. И начать осмотр решил с самого центра. Сергар решительно зашагал к входу станции метро.

Была мысль взять извозчика, то бишь такси, но, подготовившись заранее к поездке, лекарь знал – улицы столицы вечно забиты стаями автомобилей, которые проводят большую часть своей механической жизни в так называемых «пробках», а потому добраться куда-то по поверхности земли очень даже проблематично. Лучше воспользоваться метрополитеном.

Вообще-то, таковое обстоятельство удивило Сергара, когда он почитал и посмотрел все, что нашел о Москве и о пробках на ее улицах – зачем всем этим людям забираться в свои четырехколесные железяки, выезжать в них на улицы Москвы, если потом они будут часами добираться до места назначения, убивая свое время, которого каждому отпущено не так уж и много?! Не проще ли спуститься под землю, сесть в поезд и быстро добраться туда, куда нужно?

Недоумевал он недолго. Однажды, когда Сергар читал ин-

формацию о мире, и о той же Москве в частности, он встретил высказывание одного из очень известных людей, некогда популярного артиста – и сейчас время от времени мелькавшего на экране телевизора. Так вот, тот артист, с усмешкой, подсмеиваясь над самим собой и над такими же, как он, однажды сказал: «До моего офиса пешком идти пятнадцать минут. Но я еду на джипе час. И все потому, что в Москве встречают «по одежке», и я не могу себе позволить прийти просто так, пешком, как обычный гражданин!»

Теперь все стало на свои места. И ничего нового – стало даже досадно, исчезла загадка, растворилась, как дым костра в небесах.

Тщеславие – вот разгадка. Тщеславие во всех мирах и во все времена пропитывает людей, как вонючие канализационные стоки пропитывают стены сливных тоннелей.

Люди – они такие... люди! И ничто человеческое им не чуждо – ездят ли они на дорогих блестящих автомобилях, отравляющих воздух ядовитыми выхлопами, или на лошадях, портящих воздух газами из украшенной ленточками мускулистой задницы. Даже странно, казалось бы, человек должен меняться с течением прогресса. Если ему не приходится так остервенело бороться за свое существование, как древнему человеку, если у него есть время на отдых, на развитие мышления, на совершенствование. В конце концов, он должен был бы стать мудрее, добрее, отойти от своей хищной сути, приближающей его к животному. Ан нет, проходят

века, тысячелетия, а человек остается прежним – разумным зверем, который мечтает получить бесплатно все, что ему захочется, и хоть каким-нибудь образом возвыситься над себе подобными – даже так, глупо, подъехав к месту своей работы на четырехколесной вонючей железяке! Правила игры таковы, что поделаешь...

Кстати сказать, Сергар не любил автомобили, хотя и признавал их ценность, как средства, облегчающего жизнь. Разве может автомобиль сравниться с лошадью – существом не менее разумным, чем человек! Сергар любил лошадей, хотя и не мог себе позволить содержать хотя бы одного коня. Как он мог себе позволить взять ответственность хотя бы за одно живое существо? Кто он такой? Листок, несомый подхватившим его порывом ветра!

По крайней мере, так было до тех пор, пока Сергар не попал в этот мир. Он всегда мечтал купить хорошего коня. Нет, не для скачек и не для охоты – было бы хорошо медленно, тихо и бездумно ехать в седле своего могучего жеребца по лесной тропе, вдыхая аромат травы, слушая журчание лесного ручья, а потом сидеть на берегу и кидать в воду камешки, не думая о том, что кто-то сейчас заходит с фланга, норовя сжечь огнешарами. Что за деревом притаился стрелок с арбалетом, а из-за бугра может выскочить толпа живых мертвецов, мечтающих запустить свои гниющие зубы в его многострадальную плоть.

Конь бы трогал губами макушку, дышал жарким дыхани-

ем, и от него исходила бы волна любви к хозяину, любви, в которой так нуждался все эти годы осколок жизни, именуемый Сергар Семиг.

Сергар долго разбирался в цветных нагромождениях плана метро, прокладывая маршрут, потом смотрел, как пассажиры попадают в подземелье, «скармливая» механизмам купленные в кассе билеты, делая это совершенно автоматически, так, как передвигает ноги многоножка, не думая, какую ногу сейчас переставить для того, чтобы двигаться вперед. Всевозможные аппараты, придуманные человеком – это тоже магия. Вернее, замена магии.

Купил билет на многоразовый проезд – так, на всякий случай – вдруг придется задержаться в этом городе? Да и просто предпочитал всегда иметь запас, если есть такая возможность. А потом, как завзятый москвич, легко и без запинки преодолел жутковатый барьер перед эскалатором, подсознательно опасаясь, что эти проклятые «челюсти» сейчас сомкнутся на его бедрах, рыча, попытаются переломать ему кости.

Но все обошлось. Через несколько секунд он уже ступил на движущуюся ленту, с некоторым замешательством и восторгом поехал вниз, вдыхая теплый воздух, налитанный незнакомыми запахами. Мимо Сергара по движущейся лестнице сбегали люди – молодые парни, девушки, они бежали вниз так, будто от того, что будут выиграны несколько секунд, вся их жизнь изменится совершенно кардинально, они

тут же станут богатыми, известными и будут ездить к своему офису только на огромным джипах, подобных тому, который Сергар сжег в провинциальном городке.

В этом джипе в городок приехали негодяи, бандиты, которые избили, изнасиловали и едва не убили Машу, чудом выбравшуюся из их логова. Сергар убил всех этих парней и спалил их в собственном джипе. Может, потому ему так теперь не нравились эти огромные черные машины, что он связывал их образ с образом нескольких негодяев, прикативших по своим бандитским делам в заштатный городишко и на свою беду повстречавших разъяренного охотника за артефактами?

Может быть, и так. В любом случае Сергар терпеть не мог этих здоровенных четырехколесных монстров, при виде которых он сразу же вспоминал ночной пустырь, освещенный пламенем полыхающего джипа, и фигуры людей в салоне машины. Фигуры дергались, извивались – сухожилия, поедаемые огнем, сокращались, и мертвецы двигались, будто живые.

Сергар помнил это еще по прежней жизни, когда его соратников укладывали на погребальные костры, им всегда подрезали жилы, чтобы покойники спокойно отправлялись летучей сажей в голубые небеса, не изображая из себя кукол, дергающихся на ниточках жестокого кукольника. Что касается трупов врагов – их тоже сжигали, и тут уже никто не заботился о том, чтобы покойнику было комфортнее перехо-

дить из этого мира в загробный, и потому сжигаемые устраивали такое представление, которое лучше не видеть человеку со слабым рассудком.

Когда Сергар увидел это зрелище впервые, его вырвало, и он долго не мог уснуть, пока не напился как следует и не забыл эту гадкую картину.

А потом боевой маг привык. На свете есть вещи гораздо более гадкие, чем вид извивающегося в огне погребального костра покойника. Мертвецы – если они только не живые мертвецы – уже никому ничего плохого не сделают. Живых нужно бояться, от них все зло.

Добраться до нужного места не составило труда. Скоро Сергар уже поднялся на поверхность земли, с тайным облегчением видя впереди яркий солнечный свет – такой живой, родной и желанный, в отличие от искусственного, мертвенного света подземелья.

Все-таки человек не должен жить под землей – в этом Сергар был уверен. Под землей – место лишь для крыс и червей. И для мертвецов, которых закопали, потому что рядом не было дров для погребального костра, или времени и желания, чтобы как следует совершить обряд погребения покойников.

А наверху было хорошо! Немного жарковато, но Сергар давно уже отвык замечать такие мелочи. Жарко-холодно имеет значение только в контексте жив-мертв. А если у тебя рубашка к телу прилипает – так это мелочи жизни, и

никак не влияет на выживаемость. И посему – плюнуть и забыть. В конце концов, есть множество тенистых навесов, под которыми можно сидеть, потягивая холодное пиво или просто сладкий газированный напиток, коих в этом мире было неисчислимое множество.

Впрочем, как и в мире Сергара. Во все времена и во всех мирах люди хотят пить, и находится множество умельцев, которые хотят напоить всех желающих, за соответствующую плату, конечно. Как выражалась Маша, выросшая в рабочем районе провинциального городка: «Бесплатно и прыщ не вскочит!»

Вообще-то приехал Сергар в столицу можно сказать что рано – завтра он встречается со своим адвокатом, а тот уже отведет в нужное место, но Сергар решил приехать на день раньше – осмотреться, акклиматизироваться, побродить по городу, ну и зайти в магазины, чтобы купить себе пару-тройку штанов и рубах. Сергару не хотелось выделяться из толпы, потому он решил купить все на месте, посмотрев вначале, в чем ходят по улицам парни его возраста. Двадцатилетние парни.

Да, Сергар выглядел на двадцать лет. Эдакий красавчик, на которого произвольно оглядывались шальные девчушки, затуманившие свой любопытный взгляд мечтами о прекрасном принце. Хотя Сергар и не ездил на белом коне, как было положено порядочным особам королевской крови, он полностью соответствовал представлению о том, каким дол-

жен быть настоящий сын императора – высокий, но не слишком, широкоплечий, но не массивный, сухощавый, фигурой похожий на спортсмена-пловца или на прыгуна с шестом. Вкупе с русыми, почти золотыми волосами и нереально голубыми глазами, он неминуемо должен был вносить разброд и шатание в неокрепшие умы молоденьких, но уже созревших девиц.

И вносил. Но уже почти не замечал этого, и вообще – относился к таковому обстоятельству, как к досадной помехе. Привык Сергар быть незаметным и скользким, как змея, скользнул в норку, затаился, вот и прошла мимо смерть неминуемая. А тут как мишень, стреляй, кто хочет! Каждый мужчина подсознательно чувствует в таком красавчике своего соперника, норовящего отбить самую любимую. А потому... *«...шел бы он подальше, этот типчик, и вообще – точно, это гомик! И не смотри на чужих мужиков – что, бешенство матки словила?! Какого черта ты на него так уставилась?!»*

Сергар не слышал этих разговоров. Почти. Ну... если только обрывки фраз! А если бы услышал, отреагировал точно так же – шагал бы и шагал, меряя брусчатую мостовую упругим, стелющимся шагом, каким ходят лазутчики в тылу врага или граберы, крадущиеся по улицам мертвых городов.

Ему было плевать на чужие досужие вымыслы и людское недружелюбие. Красавчик? Так ему нужно быть таким вот красавчиком, как с рекламного плаката или из телевизион-

ного ролика – работа такая, мужчины и женщины легче верят тому пластическому хирургу, который выглядит таким, каким обещает сделать и самого клиента – прекрасным, молодым, полным сил человеком. А если бы Сергар предстал пред их очи таким, каким он был в последние годы своей привычной жизни – кто бы поверил, что он может творить чудеса? Мужчина на вид лет сорока, темноволосый, с ранней проседью, плечистый, жилистый, даже слегка корявый, руки – как клешни, можно подковы разгибать (разгибал, на спор!), старые шрамы, хриплый, низкий голос, колючий взгляд человека, который способен в долю секунды выхватить нож и воткнуть его в глотку противника, решившего начать против боевого мага активные боевые действия.

Довольно-таки жесткий и даже чем-то неприятный тип, он сидел теперь в теле «прекрасного принца», наслаждаясь новой жизнью, которая после первых месяцев отчаяния и бед оказалась совсем неплохой. Даже замечательной.

Задумавшись, Сергар не сразу отреагировал на то, что некий твердый объект ткнул его под колени. Не сразу – это значит, что он не взвился в воздух, не отскочил в сторону, выдергивая из ножен, прикрепленных к предплечью, длинный, узкий, до бритвенной остроты отточенный нож.

У него теперь и ножа-то никакого с собой не было – зачем нож в мирной жизни? С черными риелторами разобрался, негодяев наказал – поубивал, раздавил, как клопов. Про то, что именно он убил приезжих бандитских сынков, не знал

никто – кроме своих, а Маша и Таня умрут, но не выдадут эту тайну, зная, что раскрытие информации принесет беду их объекту обожания.

В общем, вместо того, чтобы сделать так, как сделал бы обычный, даже не очень опытный грабер, Сергар просто повернулся к тому, кто посмел коснуться его ног, и... слегка опешил: перед ним стояла здоровенная автомашина, черная, блестящая, будто ее только что натерли воском.

Сергар не разбирался в моделях машин, но понял, что она должна стоить больших денег, и, значит, тот, кто в ней сидит – не простой человек. Впрочем, это и так было ясно, какой простой человек заедет на своей автомашине туда, где разрешается передвигаться только исключительно пешеходам, или полиции – в случае служебной необходимости. Сергар знал это все наверняка, он неплохо подготовился к поездке, а его память не теряла из своих хранилищ ни одного зерна информации.

Сергар поморщился, сделал шаг в сторону, желая пропустить наглеца, ткнувшегося в него передом своей машины – зачем устраивать конфликт, да еще в чужом городе? В конце концов, он давно уже не грабер, который с оружием в руках, или без него, отстаивает свое право жить так, как он хочет – и вообще право жить.

Вероятно, это какой-нибудь чиновник или местный богатей – кто еще может так нагло нарушать закон, убежденный в собственной безнаказанности?

Да, ничего, совсем ничего не меняется – нигде, ни в каких мирах! Кроме Сергара. Прежний Сергар, грабер по прозвищу «Бешеный», сейчас бы уже бросился на человека, высунувшегося из салона автомобиля и обложившего «наглого пешехода» отборным матом и самыми на Земле неприличными, гадкими оскорблениями.

Но Сергар изменился, а потому просто отошел в сторону, стараясь не глядеть в глаза этому рыхлому, с неприятным лицом человеку, разговаривавшему со странным, неясным Сергару акцентом.

Мужчина прокричал что-то вслед гортанно, на непонятном языке, Сергар пошел прочь – настроение было безнадежно испорчено. Солнце не радовало, предвкушение посидеть в тени с бокалом ледяного пива куда-то исчезло, будто растворилось в потоке зла, и бывший грабер скривил губы, размышляя о том, откуда берутся такие наглые негодяи.

Отбросить эти мысли его заставил женский крик – громкий, отчаянный, полный боли, удивления и надежды. Надежды на помощь.

Сергар оглянулся – тот самый мужчина со странным акцентом, что обложил Сергара трехэтажной руганью, бил по лицу симпатичную девушку лет двадцати пяти – с размаху, как мужчину, а когда та зажала разбитое лицо, изо всех сил пнул ее в зад, оставив на светлом бежевом платье отпечаток узконосого блестящего ботинка. На брусчатке перед девушкой лежал разбитый телефонный аппарат, и вокруг

него сверкали на солнце кусочки, отлетевшие от изломанного корпуса.

Рядом с тем, кто бил девушку, стояли двое молодых мужчин – крепкие, плечистые, настороженными взглядами парни обшаривали толпу, и Сергар тут же догадался по их поведению – телохранители. Видимо, этот наглый тип – очень важная персона. Хотя об этом как раз догадаться-то и несложно – простолюдин не будет разъезжать по пешеходной дороге на автомобиле – только тот, кому позволяют это делать социальный статус, деньги, да продажная стража, стоящая, как это всегда было и будет, на защите интересов сильных мира сего.

– Да что же это делается?! – запричитал женский голос неподалеку, и невысокая интеллигентная на вид старушка беспомощно развела руками, оглядываясь по сторонам. – Мужчины, да что же вы смотрите?! Здесь есть мужчины?! Как он смеет бить женщину?!

Сергар застыл на месте, будто ноги его приклеились к брусчатке. Нет, он не был воспитанным в почтении к женщинам родовитым дворянином, однако не был и негодяем, который покупает себе продажную женщину, чтобы всласть поглумиться над ее многострадальным телом, вымещая на несчастной все беды и тяготы никчемной жизни.

Сергар не считал женщин слабыми, изнеженными существами, способными лишь как дикий плющ обвиться вокруг ствола могучего дуба-мужчины. Он в своей жизни встречал

таких женщин, которые сто очков вперед дадут любому из мужчин, считающих себя сильнее, умнее и хитрее этих вонительниц, лишь на том основании, что у них есть мужские причиндалы, а у противниц – нет.

Встречал и таких женщин, которым вообще не следовало жить – убийцы, отравительницы, жадные, хитрые и коварные, настоящие ядовитые змеи. Если бы ему угрожала опасность от их рук, он не задумываясь убил бы любую из этих негодяек, не глядя на то, что они принадлежат к противоположному полу. Но тут – слабая, практически беззащитная девчонка, весящая в два раза меньше этого громилы, и он ее бьет, как тренировочный мешок?! За что?! Что бы она ни сделала – разве можно ТАК, прилюдно, при всех, уродуя лицо и унижая достоинство?! Если изменила – ну выгони ее или уйди прочь, забудь ее имя! Если украла кошель – отбери украденное и прогони прочь! Если обругала, сказала обидное – обругай ее, найди выражения, чтобы ударить словом, но не волосатой ручищей по хрупкому женскому лицу!

Покойный друг Ион всегда говорил, что бьют своих женщин только слабые люди, жалкие, ничтожные, которые боятся задеть того, кто может дать им сдачи.

Он свою любимую никогда не бил. Скорее всего, не стал бы бить и если б выжил после того, как эта дамочка вонзила стилет в его горячее, доброе, любящее сердце.

Сергара раздирали противоречивые чувства – а вдруг эта девица сделала что-то такое, о чем он не знает, что-то страш-

ное, ужасное, за что заслуживает смерти? Вдруг этот человек мстит за ужасное преступление, а Сергар, дурак, влезет со своими нравами в центр непонятной разборки?

И вообще – может, дело семейное, может, девица его жена и привыкла терпеть эти унижения за годы семейной жизни! Может, ей нравится такое обращение, потому и живет с этим волосатым человекообразным?

А с другой стороны – и в самом деле, может, ей следует помочь? По крайней мере, выяснить, за что этот тип на нее так ополчился и чем она заслужила такое наказание!

Только секунд через пять до него дошло – кто-то рядом, на пределе слышимости сказал: *«Совсем обнаглели! Парня чуть не сбили! Ездят по пешеходной зоне, как у себя по аулу! Она начала снимать на телефон, а этот гад телефон отобрал и шмякнул об асфальт! А ей по морде накостьлял! И куда полиция смотрит?!»*

Ответа собеседника Сергар уже не слышал. Он шагнул к месту конфликта, но не успел, шустрая старушка, которую нельзя было заподозрить в наличии излишнего здоровья и спортивной тренированности, успела раньше. Подскочив к здоровяку, она вцепилась в его руку, отяжелевшую с возрастом (мужчине было на вид лет пятьдесят), но еще сильную, толщиной с ногу той девицы, которую он избивал, и, повиснув на запястье, возмущенно, глотая слова от волнения и ярости, крикнула:

– Что вы делаете, негодяй?! Прекратите сейчас же! Как

можно бить женщину?! Подонок!

Мужчина легко стряхнул с себя старушку, будто отцепил царапающий кожу, но абсолютно безопасный репей, а когда старушка вновь кинулась в атаку, уперся рукой ей в лицо и толкнул – так, что ноги женщины оторвались от мостовой и она со всего размаха, стукнувшись головой о брусчатку, упала на спину и затихла, глядя в небо неподвижными, стекленеющими глазами.

«Похоже, что старушке конец», – отвлеченно подумал Сергар, ноги которого несли его к месту схватки. Нужно было успеть – если бабулька еще жива, влить в нее снадобье, которое лекарь всегда носил с собой, поколдовать, дав толчок силам организма, заставив их запустить процесс регенерации.

Тот, кто избивал девушку, воспринял стремительное приближение нового персонажа как нападение. Он что-то буркнул парням, стоявшим у него за спиной, и те пружинистым, скользящим шагом шагнули навстречу лекарю, разворачиваясь для атаки.

Сергар мгновенно включился в боевой режим, не думая, не рассуждая, он видел лишь цель – ему нужно подойти к старухе, пока та еще дышит, и влить в нее снадобье. Вольет, затем направит поток магической энергии, и женщина будет спасена.

Людей, которые бросаются на помощь обиженным, даже если обидчик весит раза в четыре больше и превышает за-

щитника в росте на полторы головы – надо уважать. И почитать. Смельчаки, которые ради другого человека, ради справедливости бросаются в бой, не думая о смерти, заслуживают жизни. И дай бог, чтобы их было побольше в любом из миров. Без них мир становится тусклым и гадким, как помойка, на которой обитают лишь крысы вроде убитого Сергаром негодяя Черена, бандита Вампира и продажного монстра-участкового, помощника черных риелторов, обманом отбирающих квартиры у несчастных обманутых людей.

Парни были не выше Олега-Сергара, но гораздо массивнее – сто двадцать килограммов тренированного молодого мяса. То ли бывшие борцы, то ли от природы могучие, железом спортзалов доведенные до совершенства – они надвигались на Сергара, как два айсберга на утлую яхточку, волей ветров занесенную туда, где волны разбиваются о синие бока громадных ледяных глыб.

Первый ухватил мага за левую руку, останавливая, собираясь что-то сказать, но Сергар, не размышляя ни доли секунды, закручивающим движением поднял великана в воздух и с размаху шваркнул его о камни мостовой, следя за тем, чтобы этот бык не придавил бесчувственную (или мертвую?!) бабульку. После удара о мостовую телохранитель уже не поднялся, так и остался лежать – с неестественно вывернутой правой рукой и задранным к нему подбородком, под которым отчетливо виднелось яркое красное пятно.

Когда Сергар успел ткнуть в горло противнику сложенны-

ми вместе пальцами правой руки, он и сам не знал. Успел. Как обычно.

Все эти связки движений давным-давно отложились в памяти так, что забыть их было невозможно. И, кроме того, он регулярно, каждый день, хотя бы по часу, но повторял все движения боевого «танца» – не для того, чтобы кого-то убивать, лишь для здоровья тела, для концентрации мыслей. Все упражнения боевого комплекса имели двоякое значение – и защита мага от неожиданно нагрянувшего на позиции коварного противника, и развитие магических способностей боевого мага, тренировка его концентрации, способности высвободить аккумулируемую магическую энергию. Развитие, расширение «хранилища» магической энергии, со слов преподавателей, находившегося в теле мага где-то в животе, чуть выше пупка.

Ион по этому поводу всегда говорил, что в этом месте у него всегда скапливаются дурные, в высшей степени вонючие газы, и потому его магия грязная, вонючая, как эта война и все командиры подразделения, в котором служат боевые маги. И вообще – все руководство страны, вплоть до императора, редкостного болвана, который доведет до беды всю империю и самого себя лично. И он был прав. Все кончилось очень, очень дурно – император закончил свою жизнь страшно, мучительно, оставив страну лежать в полнейшей разрухе, раздираемую жадными руками захватчиков, зараженную смертельно опасными магическими зонами. Сергар вспоми-

нал его предсказание не раз и не два, лежа в норе под остатками здания, прислушиваясь к бормотанию и визгу живых мертвецов.

Второй телохранитель едва не сломал Сергару шею – его профессиональный, отработанный удар сверху вниз ребром ладони был нанесен в тот момент, когда лекарь вливал старушке несколько капель из темного стеклянного пузырька, массивного, сделанного из небьющегося стекла. Сергар успел уклониться в самый последний момент, и рука нападавшего больно стеганула по уху, вскользь ударив в плечо и едва не выбив драгоценное снадобье из руки.

На то, чтобы закрыть крышку, ушло около половины секунды, затем Сергар распрямылся как пружина, легко остановил подошвой ноги направленный в пах удар, и коротким, точным, почти не видимым наблюдателю ударом в область шеи вырубил противника – тот обмяк как тряпичная кукла и улегся на мостовую рядом со своим напарником.

А потом пришел черед того, кто затеял драку – мужчина с неподдельным удивлением и явным возмущением наблюдал за происходящим, и когда второй телохранитель пал, будто срубленное топором лесоруба вековое дерево, попытался восстановить справедливость так, как он это понимал, – бросился на Сергара, как атакующий бык.

Скорее всего, он и вправду когда-то занимался спортом, каким-то видом единоборств, потому что при всей своей тучности двигался довольно быстро и был уверен в своей по-

беде. Хотя стоит заметить, что это было очень глупо – если уж пали твои телохранители, молодые, умелые, тренированные – ты-то куда лезешь, с твоим лишним весом и сединой, полученной не от переживаний, а от прожитых лет, делающих мускулатуру вялой, совсем не такой, какой она была лет в двадцать – двадцать пять, на пике своей телесной мощи?!

Но мужчина почему-то об этом не подумал. Может, потому, что он привык всегда главенствовать над людьми, быть сильнее их, жестче и злее, а может, потому, что видел перед собой молоденького хлыща-красавчика, «мажорчика», само собой – неспособного оказать достойное сопротивление. «Гламурного педика», который в штаны наделает от одного лишь вида настоящего джигита.

Не наделал. Мягким движением пропустил агрессора мимо себя, а затем с громким шлепком – будто с крыши дома сбросили мешок картошки – уложил мужчину на мостовую, хорошенько приложив затылком о брусчатку. После такого броска негодяй не поднимется на ноги в ближайшие полчаса, и этого получаса Сергару хватит, чтобы сделать то, что он задумал.

Устранив помехи лечебному процессу, Сергар принялся колдовать, практически полностью отключившись от окружающей действительности и войдя в состояние лечебного транса. Он потянул из Океана Силы порцию магической энергии, хлынувшей в его тело бурным потоком, и начал, как живой насос, перекачивать его в едва дышащую старушку,

под затылком которой расплывалась красная лужица. Женщина вздрогнула, тело ее выгнулось дугой, забилося в серии мелких, волнообразно накатывающих судорог, а потом старушка затихла, закрыв глаза и прерывисто дыша – словно в юности, пробежав дистанцию три километра во время районного соревнования по бегу, на который ее выставил школьный физрук, проча Настеньке большое будущее.

Маг не видел, не осознавал ничего из того, что происходило вокруг него, сосредоточившись на процессе лечения, и когда кто-то схватил его за плечо и дернул вверх, не вставая с колен он автоматически перехватил руку нападавшего и, вывернув ее специальным образом, метнул нападавшего в воздух, не думая о том, что может повредить этому человеку. Главное было – удержать на краю пропасти женщину, достойную жить. А все остальное потом. Разберется!

Второй полицейский попытался огреть Сергара резиновой дубинкой, именуемой в просторечии «демократизатором», и тоже потерпел полное фиаско – и этот полицейский покатился по мостовой, а дубинка осталась в руке Сергара.

Если что он и умел, так это воевать. И не здешним увальням, привыкшим полагаться на механизмы, на свои жалкие пистолеты и резиновые дубинки, нападать в рукопашном бою на боевого мага – таких, как эти парни, ему надо штук пять для того, чтобы они смогли что-либо с ним поделать. Впрочем, скорее всего, если бы была такая возможность – грабер бы убежал, только дурак будет сидеть на ме-

сте и ждать, пока эти самые пятеро навалятся на него скопом, задавив дурной массой, против которой, как известно, нет никакого приема кроме одного – не попадаться под ноги этой самой толпы.

Он закончил лечение тогда, когда вокруг него уже собралась здоровенная толпа, и вышел из транса в тот момент, когда несколько дюжих парней в черных комбинезонах и масках, закрывающих лицо, навалились на плечи тугой, мускулистой, как щупальца осьминога, толпой.

Сергар не сопротивлялся. Когда его прижали к мостовой, он лишь попросил забрать сумку с вещами да позволить ему сделать звонок по телефону.

Сумку забрали, но звонок сделать не позволили. Обыскали, изъяв все, что было в карманах, затолкали в одну из патрульных автомашин, помаргивающую включенной «люстрой», и скоро Сергар уже ехал по оживленной улице, морщась от боли в намятых боках, с любопытством рассматривая город и раздумывая о том – чем же в конце концов отличается этот город от какого-нибудь провинциального городишки, почему Маша и Таня с таким придыханием рассказывали о своих мечтах переселиться в Москву – что в ней хорошего? Люди как люди – гуляют по тротуарам, наслаждаются солнечным днем. Девушек много красивых. Мужчин – всяких. В том числе и таких, которые с удовольствием бьют в лицо беззащитным девицам.

Усмехнулся, облизнул разбитые губы, отдавшие тупой

щекочущей болью. Раны уже заживали – его организм регенерировался в считанные минуты. Сергар уже и не знал, что именно его может убить – только если отсечение головы? Даже если лишится рук, ног – они отрастут за недели. Регенерация тела невероятна. Вот что значит держать постоянный контакт с Океаном Силы. Это она, магическая энергия, поддерживает организм, не дает погибнуть, залечивает раны и делает... вечным?!

Кто знает... уж точно – не он. Как говорят на Земле: «Поживем – увидим!» Авось – проживем.

Двинул руками – кисти рук тупо ныли, скованные стальными браслетами, но боль уже была слабой, почти незаметной, терпимой. Вяло прикинул – может, взять и уничтожить эти мерзкие приспособления? Разрушить браслеты заклинанием?

Только вот – зачем? Что он будет делать, когда освободится? Вырубит этих двух парней, которые зажали его с двух сторон? Выбежит из машины и растворится в толпе? А зачем? Ну что он будет делать в чужом городе без денег, без документов? Нет, глупо. Раз уж вляпался в неприятности, нужно испить чашу до дна. В конце концов, у него есть деньги, есть близкие люди, которые не оставят в беде – чего волноваться? Даже если его посадят в тюрьму за нанесение побоев стражникам... то есть полиции, вычеркнут из жизни несколько лет – что ему время? Ему, практически бессмертному человеку? Даже смешно...

Сергар улыбнулся, и один из сопровождающих его парней заметил улыбку, зло бросил:

– Чего лыбишься-то?! Тебе срок светит, а ты тут ухмыляешься! На кой хрен было бить Мадаева? Ты знаешь, кто такой Мадаев?

– Да откуда он знает, черт подери! – сморщил нос второй конвоир. – Вась, ты что, доки его не видел? Он же приезжий!

Парни помолчали, и второй нехотя, но с некоторым сочувствием добавил:

– Мадаев – человек мэрии. Ворюга еще тот! Денег – куры не клюют! Поговаривают, что начинал в девяностые, бандитствовал, а теперь доверенное лицо... хмм... кое-кого! Рулит энергетической компанией. Зря ты его избил – он гад, конечно, но иногда лучше промолчать, чем...

– Вот так и молчим всю жизнь! – вдруг с горечью перебил первый конвоир. – Всякие там Мадаевы нам на шею сели, а мы молчим, молчим, молчим... Вот он – дал гаду в морду. И что будет? Посадят его! А за что?! Я сам бы этому Мадаеву рыльник начистил! Ты погляди – ездит по Арбату, как у себя по аулу, и еще морды девкам бьет! Мда... он что, тебя тоже зацепил, парень? Что молчишь? Как там тебя звать?

– Олег. Олег меня зовут, – бесстрастно пояснил Сергар и, протянув вперед руки, попросил: – Снимите наручники, неприятно ведь. Вы же знаете, что этот тип на меня первый напал. И девушку избил. И старушку ударил. За что вообще меня арестовали?

– За сопротивление представителям власти при исполнении, – мрачно пояснил второй парень. – Тебе сказано было отойти от старушки и дать «Скорой» ее осмотреть? А ты что? Зачем патрульных вырубил? А потом омовцев – кто помял? Не ты ли? Это, парень, статья! Кстати, не пойму, как ты их всех так разбросал? Ты что, единоборствами занимался? Где тебя так научили?

– В Кайларской школе боевых магов, – не думая, автоматически ответил Сергар, а когда охранник хихикнул, опомнился, да чего же такое ляпнул? Но все обошлось.

– Хе-хе... шутник! Я тоже онлайн-игры люблю. Играл долго – в «Ультиму» играл, в «Силкрод», в «Айон». Ну и в другие игры. А потом времени не стало. С этой работой – где свободное время? Кстати, а чего ты делал со старушкой? Чего ей в рот вливал?

– Усилитель восприимчивости к магии. Магическое снадобье, – снова, не думая, бросил Сергар и, не обращая внимания на дружный смех конвоиров, спросил, прикидывая варианты: – Ну так что со мной будет? Что собираетесь делать?

– Мы? – пожал плечами тот, что слева. – Мы – ничего. Отвезем тебя, сдадим, а там уж пусть следователь допрашивает, выясняет обстоятельства происшедшего. Наше дело – тебя доставить, вот и все. Нам приказали – мы доставляем. И не больше того. А вообще все от судьи зависит. Хотя... и от следователя тоже. Как следователь дело повернет, так все и

будет. Напишет тебе административную «хулиганку» – отсидишь пятнадцать суток и пойдешь себе на волю. А если возбуждает уголовное дело... тут уж, парень, беда! Сотня человек видели, как ты месил патрульных и разбрасывал омонцовцев! Как кегли разлетались, ага! Теперь в ютубе смотреть надо – там все вокруг снимали на телефон! Небось уже в Сети висит... хе-хе-хе... Мда... крут ты, парень, крут. Не сниму я с тебя наручники! Не положено. Да и страшновато – на кой хрен мне за мою зарплату получить по мордасам от такого терминатора, как ты? Нет уж... обойдешься. Да и приехали уже.

* * *

– Итак, с какой целью вы напали на гражданина Мадаева и нанесли ему телесные повреждения? Куда вы дели телефон потерпевшего?

– Телефон?! – Сергар удивленно вскинул брови. – Какой телефон? Я не видел никакого телефона!

Девушка в форме уткнулась в лист бумаги и несколько секунд что-то читала, потом подняла глаза на допрашиваемого и, скривив полные губы, со вздохом сказала:

– Телефон «Верту», если верить Мадаеву. Стоимостью семь с половиной тысяч долларов. Вы попытались отнять телефон и убежать с ним. Мадаев вам воспрепятствовал, вы нанесли ему, его охраннику и водителю телесные поврежде-

ния. Ну а потом, когда вас попытался остановить патруль полиции, нанесли телесные повреждения и им. Ну и бойцам ОМОНа – трем.

– Чушь какая! – не выдержал Сергар. – И вы в это верите?! Ну в самом деле – верите?!

– А чего же мне не верить? – тускло бросила девушка, поправляя прядку волос, упавшую на глаза, и что-то записывая на листе бумаги, расчерченном типографским способом. – Мадаев с охранниками в больнице, полицейские лечат ушибы, омовцы с неделю не смогут работать. Так чему мне не верить?

– Да я не про этих олухов! – вспыхнул Сергар. – Вы же понимаете, о чем я! Вам что, свидетели не рассказали?! Там же толпа народа была, снимали на телефоны – мне сопровождающие сказали! Посмотрите, вы все увидите! Ну как я мог вдруг наброситься на этого негодяя, чтобы отнять телефон – прямо среди толпы людей, ясным днем?! Я что, похож на идиота?! У меня денег с собой достаточно, чтобы купить не один такой телефон! Я обеспеченный человек, хозяин медицинской клиники, врач, мне зачем все это безобразие?! Он же девушку бил! А потом старушку ударил! У старушки спросите, она все видела!

– Старушки? – хмыкнула девушка. – Видела я эту «старушку». Во-первых, ей лет тридцать, не больше. Так что старушкой назвать ее очень трудно – если только загримировать. Во-вторых, сказать она ничего не может, так как до сих

пор лежит без сознания. Вы что ей влили в рот, этой женщине? Свидетели показывают, что вы ей что-то вливали! Что за жидкость была в ваших вещах, каков ее состав? Наркотик? Может, под действием наркотика вы и набросились на Мадаева? А потом представили все это, как защиту девушки?

– А девушка-то где? – безнадежно, тускло спросил Сергар, как-то сразу успокоившись. – Она-то куда делась? Вы ее спросите! А что с... хмм... женщиной? Он ведь жива, так? Почему без сознания? Должна была уже встать на ноги!

– Не знаю, кому она там чего должна, но женщина в больнице и до сих пор не пришла в себя, – сухо пояснила девушка, не отрываясь от записей. – В общем и целом ситуация нехорошая, и я советую вам нанять адвоката. А пока что задерживаю на трое суток – для выяснения личности, и вообще...

– Адвоката, говорите? А я могу сделать звонок своему адвокату? – воспрял духом Сергар.

– У вас есть адвокат? Можете, почему нет? – равнодушно ответила девушка и подтолкнула телефонный аппарат к Сергару. – Звоните. Но недолго. Номер помните?

– Мне нужно посмотреть в своем телефонном аппарате, не помню! – нахмурился Сергар, ожидая отказа, но девушка без спора достала из прозрачного мешка его аппарат и толкнула по полированному столу, исцарапанному так, будто его драли кошки. – Можете с него позвонить.

Семен Ефимович Гольдштейн, столичный адвокат, с лег-

кой руки которого Сергар и оказался в эти дни в столице, снял трубку после третьего гудка. Его мягкий, обволакивающий баритон вливался в уши, располагая к доверию и обещая полное успокоение – именно то, чего каждый клиент, попавший в беду, ждет от дорогого, весьма дорогого адвоката.

Семен Ефимович был круглолиц, круглотел, носил смешной галстук-бабочку и зарабатывал очень хорошие деньги – по крайней мере с его слов. И с его слов Сергар знал, что главное в работе адвоката – это не витийствовать в судебном процессе, а не допустить, чтобы такой процесс состоялся. И достигается это разными, иногда весьма дорогостоящими способами, чаще всего на основе личных контактов и доверительного отношения. Что именно имел в виду адвокат, скользкий, как рыба, Сергар не знал, но интуитивно понял – хороший адвокат умеет давать взятки и при этом не попадаться.

Система правосудия во все времена и во всех мирах была насквозь продажна – от простого стражника, патрулирующего улицы и обирающего мелких торговцев, до больших чинов, засевших в теплом кресле на самой высокой вершине иерархической лестницы. И ничего нового в этом не было – зачем еще люди идут в чиновники, как не заниматься поборами? Как не зарабатывать деньги, всеми возможными способами используя служебное положение?

Хороший чиновник отличается от плохого лишь тем, что

он украдет на медную монету, а дело сделает на серебряник. Плохой же чиновник, временщик – украдет все, что может, все, до чего дотянутся его жадные, липкие руки, а потом сложит голову на плахе, жалобно стеля о том, что его подставили, что это была не взятка, а взнос добрых горожан на организацию домов для малолетних бродяжек и на организацию домов призрения ветеранов.

Впрочем, правильный чиновник – плохой он или хороший – попадает редко, если только совсем уж не потерял берега и не врезался носом своего чиновничьего корабля прямо в густые заросли жалоб возмущенных подданных императора. Или же проявил нелояльность к трону, своими действиями подрывая его устои. Последних не щадят, и по большому счету – правильно. Если тебя поставили на хлебное место, так хотя бы соблюдай лояльность власти, не будь идиотом, который пилит сук, на котором он сидит.

Гольдштейн все понял через несколько секунд и после нескольких уточняющих вопросов (где именно сейчас находится Олег, что ему вменяют, и вообще – за что его задержали) положил трубку, пообещав в скором времени все выяснить и затем уже навестить своего любимого клиента. Да, Сергар и на самом деле был его любимым клиентом, как и десятки других любимых клиентов, которые платили адвокату щедрю мзду.

Вообще-то, Сергар не сомневался, что Гольдштейн все уладит – в способностях своего советника он убедился, когда

тот довольно-таки запросто пристроил Сергара к участию в телевизионном шоу «Война экстрасенсов». Съёмки шоу должны были начаться через несколько дней, и Сергар собирался в них участвовать без предварительной отборочной стадии, где отсеивают сумасшедших и маньяков, почему-то решивших, что они обладают способностями к магии.

Успокоившись после звонка адвокату, Сергар ничего подписывать не стал, на вопросы отвечать тоже. Какой в этом смысл? Приедет адвокат, разберется, а то, пожалуй, наподписываешь на свою голову...

Девушка-дознаватель еще около получаса пыталась выжать из Сергара хоть какую-нибудь информацию, добиться от него хоть каких-нибудь ответов на свои вопросы, но скоро ей это все надоело, и она вызвала конвоира.

Через пять минут Сергар уже сидел на деревянной лавке-лежанке в камере, стены которой были отделаны типичным для таких мест манером, так называемой «шубой», ужасной придумкой большого разума неизвестного строителя.

Как некогда сказал Сергару его приятель, бывший участковый, а ныне начальник службы безопасности клиники, такая отделка нужна была для того, чтобы задержанные ничего не писали на стенах. Вот только так и не смог прояснить один вопрос – чем эти самые задержанные могут писать на стенах камеры, если все их носимое с собой имущество осталось в пакете дежурного во время личного досмотра? Про-

ще говоря, прежде чем поместить в камеру, отбирают все, вплоть до шнурков и авторучек. Шнурками можно удавиться или удавить, авторучкой или карандашом убить, воткнув их в глаз или в сонную артерию (будто нельзя это сделать просто пальцами!).

В камере никого не было, и Сергар с удовольствием растянулся на жестком ложе, отполированном боками тысяч злодеев и людей, случайно попавших в жернова правосудия – вот как сегодня Сергар, например. Лежать было не очень удобно, или, скорее – совсем неудобно, но боевой маг в своей жизни полежал в стольких гадких местах, что этот топчан в сравнении, к примеру, с вонючим, кишачим кровососущими гадами болотом или ледяным, покрытым окровавленным снегом полем битвы мог показаться роскошным ложем в самом богатом из дворянских домов.

Нервное напряжение отпустило, и сейчас в голове Сергара царил апатия, тоска и досада – ну почему вот так всегда? Почему, как только соберешься сделать доброе дело, тебя настигает расплата? Как там сказано? «Добрые дела наказуемы»? Абсолютно верная пословица. Абсолютно!

Вспомнилось, как на заре своей воинской службы шел по улице и остановился возле чумазой девчонки лет десяти, которая просила милостыню. Сердце дрогнуло, и Сергар достал из кошель с только что полученным жалованьем несколько медных монет. Отдал девочке, пошел дальше и тут же обнаружил, что лишился этого самого кошель. Срезали,

да так ловко, что совсем ничего не почувствовал.

Девочки, само собой, уже и след простыл, а когда вечером рассказал об этой истории приятелям, сидя за столом трактира, был оглушен радостным смехом более опытных товарищей, оказывается, именно таким способом задерживают жертву уличные воры, отвлекая внимание «клиента», захваченного мыслью о сострадании к несчастному ребенку. Обычно на роль несчастной попрошайки берут самую красивую, глазастую девочку, одетую чисто, но очень бедно, чтобы не выглядела профессионалкой. Часто эта самая девочка и обчищает карманы у зазевавшегося дурачка.

Неожиданно и незаметно для себя Сергар уснул, зависнув над обдумыванием проблемы: почему старушка так и лежит без сознания? С какой стати? Ведь он сделал все, что мог! И довольно эффективно, если судить об этом по словам девушки-следователя! Ведь помолодела старушенция, а значит – и снадобье, и магия подействовали! И почему тогда – вот так?

Жаль, что его оторвали от пациентки, не успел поработать с ней как следует. Может, в этом дело? Может, не завершил цикл?

Из сна его вырвал грохот запоров, и Сергар пробудился, будто и не спал – адвокат?! Наконец-то! Хватит нюхать спертый воздух, «напоенный» запахом хлорки и блевотины, хватит валяться на голых досках – упругий матрас ждет усталого путника! Долго же ехал Гольдштейн, не торопится, демо-

ны его задери!

Но это был не Гольдштейн. Мужчина лет сорока, незаметный, невидный, в скромном строгом костюме, который не всегда можно купить в первом попавшемся магазине. С ним помощник дежурного, курносый парень с веснушками на пухлых щеках.

– Вот он! Вы про него спрашивали!

– Выйди! – Голос незнакомца был властным, хоть и негромким, и помощник дежурного тут же исчез, будто смывтый в унитаз. Мужчина пристально, тяжело посмотрел на Сергара, лежащего на топчане, помолчал с минуту, рассматривая, буравя взглядом, и только потом спросил:

– Это ты отравил мою мать?

Глава 2

Нет, Сергар не вытаращил глаза, сделав вид, что ничего не понял. Но и не стал уверять, что ни при чем, что это ошибка, что все совсем не так, как выглядит, и все такое прочее. Он так и остался лежать, заложив руки за голову и молча глядя на незнакомца. Иногда нужно просто подождать, и ситуация разъяснится сама собой.

– Повторяю вопрос: это ты отравил мою мать? – Мужчина сделал шаг к топчану, и Сергару показалось, что его собираются пнуть. Маг не любил, когда его пинают, а потому приготовился к схватке, которая закончится заведомо плохо – или он завалит этого человека и полицейских, которые прибегут на помощь, или завалят его, после того как побивает часть тех же самых полицейских.

Скорее всего, выйти из здания ему не дадут. Везде стальные двери, везде видеокamеры – шансов мало. Остается лишь надеяться на лучшее. Или терпеть пинки.

Но случилось совсем не то, чего ожидал опальный лекарь. Человек устало опустился на край топчана рядом с Сергаром и, не глядя на него, сказал, глядя в пространство:

– Что ты с ней сделал? погоди, не спеши с ответом. Я знаю, что ее ударил не ты. Знаю, что ты проводил с ней какое-то лечение, водил руками, вливал ей в рот какое-то лекарство. Думаю, что от твоего лечения мама помолодела, а

рана у нее на затылке чудесным образом зажила. Вот только она до сих пор не пришла в себя, лежит без движения, и мне сказали, что, возможно, ты ее отравил. А теперь скажи мне – ты это сделал? Если ты – зачем? И самое главное – можешь ли исправить то, что сделал, или нет? Это моя мать, она дорога мне, и если из-за тебя мама погибнет, клянусь, ты пожалеешь. Это не угроза, это констатация факта. Итак, жду объяснений!

– Я не знаю, – просто сказал Сергар и уселся рядом с незнакомцем на край топчана. – Не знаю, что с ней случилось. По моим расчетам она уже должна была встать на ноги. Возможно, я просто не успел.

– Что значит – не успел?! – вскинулся мужчина, и Сергар ощутил идущую от него волну гнева, ярости и разочарования. – Как так – не успел?! Что такое – не успел?

– Мне мешали, – угрюмо пояснил лекарь, неосознанно сжимая пальцы правой руки в кулак. – Вначале эти идиоты, которые напали на девушку. Потом – полицейские. Мне все время кто-то мешал, и я не мог провести сеанс лечения как следует. Возможно, ее разум уже улетел. Здесь осталось лишь тело. Так бывает... увы.

– Да будь ты проклят! – яростно выдохнул человек и повернул к Сергару искаженное болью лицо. – Плевать на все, главное, ты можешь что-нибудь сделать?! Вылечить ее?!

Сергар помолчал, подумал, пожал плечами:

– Не уверен. Но возможно, что шанс такой есть. Если она

не успела улететь далеко и зависла в Межвременье.

– Каком-таком межвременье? – слегка опешил мужчина. – Что значит – улетела? Ты что, сумасшедший?! О чем ты говоришь?!

– Не важно. Совсем не важно, – пожал плечами Сергар и снова улегся на топчан. – Все равно я сейчас здесь, так что разговоры о лечении не имеют никакого значения.

– Это я здесь решаю, имеет что-то значение или нет! – с угрозой, мрачно бросил пришелец. – Возможно, мать сейчас была бы в сознании, если бы не ты. Ты не дал подойти врачам «Скорой помощи», ты не позволил им оказать ей необходимую помощь, и значит – ты ответишь, если она умрет. Или останется вот такой – безмозглым овощем!

Мужчина помолчал минуты три, потом жестко спросил:

– Если тебя выпустят, вылечишь?

– Не знаю, – после паузы повторил Сергар. – Гарантию дать не могу. Возможно, что у нее был сильно поврежден мозг. Вот и результат.

– Рентген показал, что повреждений нет. Есть старые, зарубцевавшиеся шрамы, следы удара на затылке. Но свежих ран нет. Никто не смог сказать, откуда у нее под головой взялась кровь!

Незнакомец пристально посмотрел в глаза Сергара, и тот спокойно ответил:

– Да. Нет ран. Потому, что я их залечил. У нее был раздроблен затылок, и я как мог, так ее и вылечил. Но похо-

же, что не до конца. Если вы меня выпустите, я попробую ее вылечить. Повторюсь, результата не гарантирую, но только скажу: чем дольше она без нужного лечения, тем меньше шанс ее вылечить. И, кроме того, мне нужно мое снадобье, без него работать не могу. Эффект слабее.

– Ты экстрасенс, да? Народный целитель, или как там тебя звать?

– Зови меня просто Олег. Так меня зовут. А больше мне тебе сказать нечего.

Сергар закрыл глаза и уже не смотрел на то, как незнакомец выходил из камеры, как захлопнулась дверь, отгораживая его от свободы. После лечения, после драки он слегка устал – не физически, душевно. Слишком быстрым был переход от состояния счастья, довольства, благополучия к положению бесправного узника, которого все могут называть на «ты», в комнату которого можно войти без спроса и которому можно безнаказанно угрожать, зная, что заключенный ничем не сможет ответить. Да, плохо быть узником, совсем не то, как быть богатым, всеми уважаемым врачом.

Вдруг подумалось – а как на известие о том, что он попал в тюрьму, отреагирует Шелест? Этот всемогущий олигарх, щупальца которого простирались очень далеко от особняка, в котором тот сидел, так далеко, что и представить было трудно!

Сергар не известил его, что уезжает, просто тихо-мирно сел в поезд и укатил, и ничего не дали Шелесту шпионские

штучки, которыми хитроумный мафиози утыкал его клинику и весь дом Сергара. Начальник охраны давным-давно вычислил все эти подслушивающие и подглядывающие штучки и показал Сергару, в каком месте можно говорить откровенно, не боясь, что тебя подслушают и подсмострят. Уничтожать «жучки» не стали – пока не стали, до тех пор пока Сергар не вернется из Москвы, решив свои дела. Разберется здесь, а там уже можно и Шелестом заняться. Пока что Сергар не решил, что с тем делать. То ли убить, то ли подчинить себе, как подчинял других людей. Но нужно прежде сто раз все отмерить, взвесить – а стоит ли оно того? И не забыть, что теперь Сергар не один – за ним те люди, что ему дороги: Таня, Маша, Мария Федоровна. А если они пострадают?

Одному легче, делай что хочешь, ответишь только своей жизнью. Но когда за тобой стоят близкие... нет, нужно крепко, крепко продумать! Потом. Все – потом!

За ним пришли через два часа, когда Сергар успел уже выспаться и сидел, разминая руки и ноги, затекшие во время сна. Когда за дверью раздались голоса и на пороге появился помощник дежурного, за плечами которого маячил давешний посетитель, лекарь не удивился. Он знал, что тем дело и закончится, ему все равно придется долечивать старушку, которая теперь совсем даже не старушка.

Относились к нему теперь как-то странно... опасно – это само собой, немудрено, после того, как он разметал профессиональных охранников и ОМОН (патрульные не в счет

– этих может раскидать и полупьяный бомж). Нет, нынешняя опасливость была другой, какой-то даже уважительной, как уважительно относятся к великому злодею или шпиону – что суть одно и то же в представлении простого человека. Если тебя забирают из узилища такие важные люди, уж наверное, ты великий, и никак иначе!

Насчет важности – это лишь догадки, кто такой этот самый важный человек, Сергар не знал. Ему никто ничего не сообщил, лишь вежливо, но настоятельно потребовали усесться в черный маленький автобус с затемненными стеклами, и скоро кавалькада из трех автомобилей неслась по улицам вечерней Москвы, оглашая окрестности воем сирен и расцвечивая попутные и встречные машины сполохами красных и синих огней.

Сергар сидел без наручников в окружении не очень массивных, но крепких парней, впившихся в него острыми взглядами серых, черных и синих глаз. Эти люди были похожи друг на друга – не чертами невыразительных лиц, но аурой силы и настороженности, исходившей от каждого из них, составлявшего единое целое со всей группой, как рука объединяет пальцы, сжавшиеся в кулак для удара.

Если придется драться с этими парнями – исход поединка совершенно не ясен, прикинул Сергар. Их только убивать, и не руками, а магией. И тут же выругал себя – почему убивать? Почему обязательно нужно рассматривать этих людей, как противников, будто он снова находится на войне, и лю-

бой незнакомец суть опасность и враг? Пора бы уже отвыкнуть воспринимать действительность, как поле боя!

Пора бы... вот только не очень получается. Не дают забыть боевое прошлое. Не дают, и все тут!

Ехали долго, даже с полицейской сиреной (если она полицейская!). Когда выбрались за город, за окном было уже темно, небо вызвездило, вышла огромная желтая луна, сверкающая, как медный таз. Она висела над горизонтом и будто улыбалась Сергару, ободряя, вселяя в него надежду. Луна всегда покровительствовала магам. На гербе Кайларской академии магии присутствовал лунный диск. Вот только была ли ТА луна ЭТОЙ луной – кто знает? Может, мир Сергара находился на Земле, но только сотни миллионов лет назад? И потом исчез, уничтоженный каким-нибудь катаклизмом, вроде гигантского метеорита? Да кто может это сказать... в мире много вопросов, на которые нет ответа. И уж не простому боевому магу и лекарю на них отвечать.

Во дворе дома сладко пахло ночными цветами. Сергар любил этот запах, его мать сажала похожие цветы вокруг их домика, и теперь здешние, незатейливые, невидные, но очень пахучие, напомнили ему о прошлом, о семье, и сердце Сергара забилось чаще, прогоняя кровь сквозь усиленные магией сосуды. Он слегка улыбнулся – грустно, безрадостно, вспомнив то, как однажды спрятался в клумбе с такими цветами от матери, требующей срочно идти спать, и мать потом долго его ругала под одобрителный хохоток отца: «Развед-

чик! Молодец, хорошо спрятался! А цветы отрастут еще, их тут как сорняков!»

Задумался, а если бы он смог вернуться назад, в прошлое, смог бы вылечить мать и отца? Наверное, смог бы. И тогда...

А что тогда?! Ну что – тогда?! В истории нет сослагательного наклонения. «Что было бы, если бы...» Все так, как оно было, и ничего изменить нельзя. Нет, можно – в живых учебниках истории, составленных по заказу подлых и глупых правителей. Именно подлых и глупых, потому что только подлецы или дураки могут требовать от продажных ученых переписывать информацию об истории, на благо своей ненасытной утробе, никак не насыщающейся деньгами и властью. Глупцы не понимают, что, изменяя сведения об исторических событиях, они уничтожают память людей, а люди без памяти – это животные, недостойные называться человечеством.

Впрочем, и в этом был свой резон. Животными, стадом управлять легче, хлещи их кнутом, трави овчарками, и стадо идет туда, куда тебе нужно. Ты можешь прирезать часть из этих баранов, можешь позволить им пожить подольше, создав иллюзию свободы в пределах пастбища, но, в конце концов, все они закончат точно так же, как и остальные, своей жизнью, своими существованием и смертью умножив состояние пастуха.

Сергара отвели в большой холл, усадив за столик рядом с огромным аквариумом, в котором плавали красивые, все-

возможных форм и расцветок экзотические рыбки. Они поводили глазами, разглядывая Сергара, и тот вдруг усмехнулся, для рыб люди, вероятно, боги, те, кто управляет их жизнью, кормит, устраивает судьбу. А может, наоборот? Рыбы считают людей своими слугами? Теми, кто обязан приносить им вкусных червячков и чистить «мир»?

От философски-биологических мыслей Сергара отвлек тот самый человек, что приходил в его камеру. Он молча поманил лекаря рукой, и тот поднялся из кресла, помедлив несколько секунд – скорее всего, для того, чтобы показать: он не какая-то там собачка, бегущая к хозяину по первому свистку. Он – лекарь, очень хороший лекарь, и относиться к нему нужно соответственно статусу!

Тут же усмехнулся, быстро же привык быть «великим»! А ведь не так давно бегал галопом по первому же приказу командира, ел, что дадут, и радовался тому, что вообще хоть что-то давали поесть! В последние месяцы перед гибелью империи обеспечение армии было совсем никудышным. Офицеры снабжения будто с цепи сорвались, норовя захватить все, что попадалось под руку, совсем не заботясь о тех, кто клал свои жизни на алтарь имперских амбиций.

Хозяин дома поднялся по лестнице, Сергар – следом, чувствуя, как ему в спину впиваются взгляды невидимых охранников. По коридору, отделанному натертым мастикой деревом, к двери, за которой находился большой кабинет, тоже весь из дерева. По стенам – экзотические фигурки, сделан-

ные грубо, явно руками людей, живущих в первобытно-общинном строе, щиты, копья и еще множество орудий убийства, от колючих шаров на цепи, приделанной к короткой рукояти, до современных автоматов, то ли иностранной марки, то ли здешних, но не распространенных широко. Сергар такие в кино не видел, ну а на улицах, само собой, с автоматами простые граждане не бегают. Это была коллекция, и по тому, как хозяин коротко взглянул на Сергара, будто проверяя, оценил ли он содержимое комнаты, было ясно – человек очень гордится своим собранием оружия.

– Я знаю, кто ты такой, – коротко сказал хозяин кабинета, кивая Сергару на кресло возле красивого стола, собранного из кусков дерева разного цвета, составляющих мозаичный узор. – Навел справки. Знаю, что ты работаешь под Шелестом. Знаю, зачем приехал сюда и кто у тебя адвокат. Мне плевать на Шелеста, он птица не моего полета. Надо будет – сотру его в порошок! Меня интересуют два момента: первое – сможешь ли ты вылечить мою мать. Второе – я хочу, чтобы ты работал на меня и делал то же, что делал для Шелеста, и больше того. Много больше. Вопросы есть?

– Есть, – кивнул Сергар, который смотрел в окно, на освещенный неярким светом узорчатых фонариков сад. – Почему твоя мама ходит одна, без охраны, почему она одета не так, как полагается одеваться матери такого человека, как ты?

Мужчина сморщился, будто в рот ему попало что-то кис-

лое, неприятное:

– У нас сложные отношения. Она старой закваски, считает, что я вор, что такие, как я, разграбили страну, что... в общем, она не одобряет стиль моей жизни. Считает, что я бессовестный. А кроме того, она ждала, что я подарю ей внуков, а я все... никак. Не до того! Мы с ней не общаемся. Хотя, я тебе скажу по секрету, за ней ведут наблюдение, и то, что она оказалась одна на Арбате, без сопровождающего, тайного охранника – это трагическая случайность. И, как всегда бывает, закончилось все дурно! Сотрудник, допустивший оплошность, уволен. Почему она бедно одевается? Так одевается, как ей хочется. Денег от меня она не берет, хотя я дал бы столько, сколько ей нужно! Столько, сколько не смогла бы истратить за всю жизнь!

Мужчина замолчал, снова скривился, помотал головой:

– И почему я это тебе рассказываю? Тебе, странному человеку, какому-то там колдуну или экстрасенсу, черт подери! Я, который... хмм... ладно, не о том речь. Еще вопросы есть?

– Есть. Почему ты позволяешь мне спрашивать?

– А почему вообще ты мне «тыкаешь»? – холодно спросил мужчина, будто собрав в кулак свою волю. – Ты кто вообще такой?

– Человек. Если ты мне «тыкаешь», значит, я имею право «тыкать» тебе. Почему ты считаешь себя выше меня? Потому, что у тебя много денег? И что – эти деньги спасут твою

мать? Или тебя, если придется? Что ты собой представляешь без своих охранников, без оружия, без связей во власти? И ты мне еще пытаешься что-то указывать? Ты думаешь, я не знаю об охранниках, которые стоят сейчас в соседней комнате? О стрелке, который сидит вон там, за окном, замаскированном под зеркало? Ты думаешь, что они успеют остановить меня, если я соберусь тебя убить? Я могу сломать тебе шею, прежде чем ты встанешь с места, а пуля твоего стрелка меня не остановит, гарантирую. Так кто ТЫ такой, чтобы мне «тыкать»?

Мужчина смотрел на Сергара набычившись, исподлобья, как-то сразу осунувшись, будто под бременем усталости, и молчал, не издавая ни звука. Молчал минуты три, потом откинулся на спинку кресла, криво усмехнулся и несколько раз негромко похлопал ладонями:

– Bravo! Хорош, да. Ну что же, резон есть. Мне что-то такое о тебе и говорили, и если хотя бы половина от того, что мне рассказали – правда, то ты совсем не тот молодой хлыщ, которым кажешься. Ну что же, поставили друг друга на место, можем перейти к делу. Вначале займемся моей мамой. Кстати, ты можешь мне объяснить, как так случилось, что она выглядит на тридцать лет, а то и того моложе?! Что ты сделал с ней?!

– Запустил процесс регенерации, и организм возвратился к пику своего здоровья. А этот самый пик бывает в возрасте 20–30 лет. Она должна была сильно похудеть, но быть совер-

шенно здоровой. Единственное объяснение тому, что с ней случилось – на момент моего лечения мозг уже умирал. Он был сильно поврежден в результате удара о мостовую. Этот подонок ее толкнул, и...

– Я знаю! – перебил мужчина, и лицо его сделалось страшным. – Он сильно пожалеет о том, что сделал. Сядет. И плохо сядет. Гарантирую! И два его быка тоже сядут. И тоже пожалеют! Пойдем за мной, нужно попробовать сделать все, что можно.

Мужчина встал, но Сергар не пошевелился:

– Вы снадобье мое забрали? Без него эффект лечения меньше в несколько раз.

– Забрали! Сейчас тебе все отдадут! Пойдем же, черт тебя подери! – Голос мужчины дрогнул, и Сергар понял – волнуется, очень волнуется! И вправду переживает за мать, любит...

У лекаря дрогнуло сердце – если бы рядом с его, Сергара, матерью оказался тогда такой маг, каким является сейчас он, она бы выжила! И отец бы выжил... Ну почему все так несправедливо? Спасает абсолютно чужих людей, а его близких никто не спас! Боги, вы жестоки!

Сергар не узнал старушку, которая набросилась на здорового негодя, как птица, спасающая птенца. Нет, самой собой, она так и осталась небольшой, невысокого роста женщиной, но теперь – молодой женщиной, худой, с впавшими щеками, но удивительно красивой, большеглазой, большело-

бой. Ее высокий лоб теперь не «украшали» десятки морщин, он был гладким, как у молоденькой девушки шестнадцати лет. Накрытая простыней, эта самая девушка лежала, глядя в потолок неподвижными темными глазами, и тихо дышала, так тихо, как не дышит и маленький ребенок, уснувший после порции материнского молока.

«Кома, самая настоящая кома!» – понял Сергар, и душа его похолодела. Он не знал, где искать душу этой женщины, и более того, боялся это делать.

– Расскажите, что с ней было за эти часы! – потребовал хозяин дома, который так и не представился Сергару. – Все расскажите подробно ему!

Он кивнул на лекаря, и человек в белом халате, который сидел возле постели женщины, с готовностью встал и начал рассказ, не удивляясь и не задавая лишних вопросов:

– После того как госпожу Знаменскую погрузили в «Скорую помощь», ее тело начало изменяться, при этом оно исторгло из себя массу... хмм...

– Проще, проще! – нетерпеливо прикрикнул хозяин дома.

– В общем, рвота, испражнения, кровотечение, мочеиспускание, повышенная температура, лихорадка, кожа отваливалась пластами, волосы выпадали и вместо них лезли новые – со слов врачей «Скорой», ощущение было таким, будто организм полностью перестраивается, отбрасывая лишнее. Госпожа Знаменская сильно похудела, и это несмотря на то, что в нее тут же начали вливать глюкозу и другие препараты.

Перечислить, что именно?

– Не надо.

– Процесс завершился через час после того, как начался, начинался он взрывообразно, так же быстро и закончился. И теперь она выглядит так, как вы видите, я бы на вид ей дал не более двадцати-тридцати лет. Мы делали томографию мозга дважды, вначале, когда процесс продолжался, и потом, когда он уже закончился. В первый раз на ее затылке были заметны повреждения костей черепа, давние повреждения, кости уже срослись. Второй раз – никаких повреждений замечено не было. Череп абсолютно цел, как и мозг пациентки. Проведено полное обследование – никаких отклонений от нормы, кроме недостатка веса. Повторюсь, пациентка катастрофически похудела, так, что это могло привести к ее смерти. Можно задать вопрос?

– Задай, – мрачно позволил хозяин дома. – Но ответить не обещаю.

– Что это было?! – с дрожью в голосе спросил врач, скосив глаза на Сергара. – С нас взяли подписку о неразглашении – почему? Это же чудо! Настоящее чудо! Семидесятилетняя женщина становится молодой девушкой! Это же феноменально! Это нельзя скрывать от людей! Человечество мечтает о вечной молодости тысячи лет, а может, и сотни тысяч лет, а тут... это нельзя замолчать!

– Можно. И ты замолчишь! – резко бросил сын пациентки, впиваясь взглядом в глаза врача. – Тебе за это платят,

и очень хорошо. Очень! А если ты разгласишь тайну – тебя убьют. И пострадаешь не только ты один. У тебя ведь есть семья, так? Так вот подумай о ней и не говори ерунды! Это – государственная тайна! И за разглашение ответишь головой!

Врач побледнел и с неприязнью посмотрел на говорившего. Сергару тоже стало не по себе, и этот человек, к которому он, честно сказать, начал испытывать что-то вроде приязни, стал неприятен.

– Выйди! – не глядя на лекаря, приказал хозяин дома, и когда врач покинул комнату, устало опустился на стул возле постели, повесив голову. Помолчал и негромко, усмехнувшись уголком рта, сказал: – Осуждаешь, да? Противен я тебе? Да я сам себе противен. Но что делать? Ну, вот скажи, как заставить замолчать этого восторженного идиота? Мне больших расходов стоило заставить замолчать всех, кто участвовал в этом деле, а все почему? Потому, что если все узнают о том, что ты умеешь возвращать молодость, начнется... что? Не понимаешь, да? Сидишь там, в своем медвежьем углу, и не понимаешь?! Дурак твой Шелест, господи, ну какой дурак! И ты дурак. Все вы дураки! Ты только представь, какие деньги можно зарабатывать, если взяться за это дело как следует! Сколько ты там брал за омоложение, за красоту? Триста тысяч евро? Господи, ну ты мелкий щенок! Тебе до взрослого пса еще расти и расти! Есть люди, которые отдадут миллиарды за то, чтобы стать молодыми! Миллиарды, понимаешь?! Не рублей – евро и долларов! Ты слышал

про одного миллиардера, который сменил уже пятое сердце? Да, да, пятое! Жить хочет, сучонок! Вернее, хотел. Помер, до ста лет не дожил. А ведь чего только не делал – и сердца менял, и кровь переливал, и другие органы вставлял – а что, деньги есть, почему бы и не попробовать? Только ничего не помогает. Ничего! А теперь... теперь – есть ты. И ради тебя... ради твоих услуг... Глупец, ты хоть понимаешь, как рискуешь?! Как рискует твоя мать? Твои девицы? Да, да, знаю. Ты там устроил себе гарем, и знаю, что ты этих девушек ценишь и, наверное, любишь! А если твою мать кто-то возьмет в заложники, с тем чтобы ты делал то, что тебе прикажут? Твоих девушек? Да не делай такое лицо – я уже приставил к ним охрану, их теперь берегут, незаметно и круглосуточно. И как только в твоей башке уживаются такое умение и такая глупость?! Шелест, болван, решил, что держит бога за бороду, а сам всего лишь провинциальный мелкий делатель губернаторов! А я – делатель королей! Понимаешь? Нет? Ну и не надо.

Мужчина замолчал, взглядываясь в безмятежное лицо женщины, лежащей на кровати, недоверчиво помотал головой, тихо сказал:

– Рассказали бы – я б не поверил! Неужели такое возможно?! Если б я не видел ее фотографий в молодости, если бы не помнил ее лица, если бы врачи «Скорой» не подтвердили, я бы счел все происшедшее дурацкой сказкой и подумал бы, что мать украли, подставив вместо нее вот ЭТО.

Он поднял взгляд на мрачного, как туча, Сергара и, прищурив глаза, спросил:

– Так что скажешь по поводу сотрудничества? Ты будешь получать тридцать процентов от стоимости омоложения. Цены буду устанавливать я. И я буду обеспечивать подбор клиентов. Ну и охрану, само собой. Ты будешь очень богатым человеком. Очень. У тебя будет все, что ты захочешь!

– Кроме свободы, – не выдержал Сергар.

– А что такое свобода? – не удивился мужчина. – Думаешь, я свободен? Или она? – Он указал на женщину, лежащую в постели. – Или врач, который решил, что ухватил удачу за хвост, поймал сенсацию? Кто свободен? Президент страны? Да он несвободен больше, чем кто-либо другой! Он даже не может просто так съездить за границу, нырнуть в море без того, чтобы с моря его не прикрывали две подводные лодки, с воздуха – три эскадрильи истребителей, а на горизонте не маячила ударная группа военного флота! Ты чего, парень, о какой свободе говоришь?! Ты же не маленький, должен понимать! За все надо платить! Свободен только господь бог, и то, возможно, и он подчиняется каким-то законам, по крайней мере – тем, которые он сам и придумал. Нет, парень, это глупое слово «свобода». Еще Маркс сказал: «Свобода – это осознанная необходимость!» Ты осознаешь необходимость, нет? Осознаешь, я знаю! Так вот, у тебя будут огромные деньги, ты будешь прикрыт со всех сторон – и со стороны государства тоже. Тебе придется иногда выпол-

нять заказы и государства, на благо нашей родины, это уж само собой разумеется. Может быть, иногда и бесплатно. Но зато ты будешь иметь деньги с частных лиц, такие деньги, что твои жалкие миллионы евро по сравнению с такими деньгами – просто тьфу одно! Да, и я буду иметь деньги! И хорошие! Но я обеспечу тебе все! Позабочусь обо всех твоих нуждах! Хочешь яхту, пожалуйста! Вертолет, самолет – да ради бога! Тысячу девственниц – на, получи! Только делай то, что тебе скажут, и будь лоялен мне и нашей стране! И все будет отлично. Просто замечательно! Понял? Согласен?

– Я подумаю, – нехотя ответил Сергар и холодно добавил: – Дайте мне мое снадобье и выйдите из комнаты. Я не хочу, чтобы кто-то видел, что я буду делать с пациенткой.

– Это невозможно! – отрезал хозяин дома. – Я должен видеть, что ты с ней будешь делать!

– Еще раз – ты выйдешь из комнаты, оставив здесь снадобье, иначе я ничего не буду делать, – упрямо повторил Сергар, пристально глядя на собеседника. – Тебе не понравится то, что мне придется делать, и я не хочу...

– Мне плевать. Я видел всякое, так что делай, чего бы ты ни собирался делать! – нетерпеливо бросил мужчина и, снизив накал, спокойно добавил: – Парень, спаси ее, а? Она очень хорошая женщина, и я ее люблю. Тебе денег надо? Я заплачу, сколько скажешь! Миллион? Два? Плевать. Только вытащи ее! Она заслужила жить!

– Заслужила... – легонько кивнул Сергар и слегка улыб-

нулся: – Видел бы ты, как она бросилась на этого негодяя! «Мужчины здесь есть?! Негодяй, как ты смеешь бить женщину?!»

– Да, она всегда была боевая, – грустно улыбнулся мужчина. – Спортсменка! Бегала, стреляла, фехтовала! И меня в спортивную секцию отправила, в самбо. Я чемпионом города был! Мастер спорта... бывший. Наукой занималась, она биолог, доктор наук, занималась эпидемиологией, боролась с чумой – у нас, и за границей, в Монголии, и... много еще где. (Сергар едва не вздрогнул, при слове «чума» у него заныло сердце.) У нее ордена, медали! И вот такой урод едва не убил ее – походя, будто раздавил таракана! Обидно, а?

Глаза у мужчины заблестели, и он скрипнул зубами:

– Ну, держись, сучонок Мадаев! Таких тварей давить надо! Давить! Давить!

Руки мужчины сжались в кулаки – так, что побелели костяшки, щека же задергалась, и Сергар утвердился в своем предположении – Мадаеву точно настал конец.

– Давай-ка займемся делом, – предложил лекарь. – Все-таки вышел бы ты отсюда, я тебе точно говорю – неприятно будет видеть происходящее. Можешь не понять, что я делаю, и... все испортить. Не понимаешь, как я вижу... но сейчас поймешь. Раздевай ее. Ну, чего смотришь? Раздевай, совсем! Снадобье мое где?

– Вон там, на полке... – мужчина показал большим пальцем правой руки себе за плечи, и Сергар, сделав несколько

шагов, взял в руки знакомый пузырек темного стекла. Поболтал – вроде все на месте. Скорее всего, часть жидкости отлили для исследований, но это ничего не меняет. Снадобья хватит на несколько сеансов лечения, так что его вполне достаточно. А то, что жидкость исследуют – так это все ерунда. Ничего запрещенного в ней нет, наркотиков или ядов, – обычные лекарственные травы. Главное в ее составе – это магия, которой напитана эта жидкость. Без магии это просто смесь пахучих, горьких трав, поднимающих тонус и способствующих скорейшему заживлению ран. Чуть-чуть способствующих, в пределах своих травяных сил. А вот вкупе с магией... тут уже другое дело. Жидкость служит катализатором, усиливающим процесс регенерации организма пациента в тысячи раз, в десятки тысяч раз, более того, умелый, сильный лекарь может из тела пациента, как из мягкого воска, лепить все, что ему захочется. Из некрасивой, даже уродливой женщины может сделать первую красавицу, достойную победы на конкурсе красоты. А из лица любого человека сделать копию лица того, кого тебе хотелось изобразить. Абсолютную копию, насколько хватит памяти преступного лекаря. Такого, как Сергар.

Трижды он по заданию Шелеста делал из одного человека другого, запомнив его облик, взятый с фотографии или из видеоролика. Зачем? Сергар не спрашивал. Да и не хотел он знать, для каких таких темных делишек Шелест делает чьи-то двойников. Не его это дело. Своих проблем хватает. По-

том разберется с Шелестом. Укрепитесь в этом мире, и уже тогда...

И зря этот человек так недооценивает «провинциала». Шелест – человек очень серьезный, Сергар понял это с первых минут их знакомства. Глупо недооценивать противника, это может стать фатальной ошибкой. Ну а то, что предложил новый знакомый – в принципе Сергара устраивало. И масштаб побольше, и деньги гораздо больше. И правда – какие-то там жалкие сотни тысяч, а здесь – сотни миллионов! Поторговаться только придется, нельзя же, как идиоту, соглашаться на первое же предложение! Этот тип – хапуга еще тот... А мать его и правда жалко. Видимо, хорошая она женщина, правильная.

Сергар открыл рот женщины, влил в него строго отмеренное количество капель, подождал, и раз мужчина не стронулся с места, когда было приказано раздеть пациентку, стал раздевать ее сам. Сдернул одеяло, затем через голову стащил с пациентки белую ночную рубашу, оставив женщину лежать совсем обнаженной.

Да, она была худа – не так, как бывает от страшной болезни, или так, до какого состояния людей доводили негодяи в концентрационных лагерях (Сергар видел это по телевизору). Ее худоба была такой, будто женщина долго держала строгую диету, и это при том, что она круглые сутки занималась тяжелыми физическими упражнениями. Стройная, мускулистая, с небольшой грудью и совсем не полными бед-

рами, дама походила на молоденькую спортсменку, а не на семидесятилетнюю старушку, мать вот этого сорокалетнего мужчины, изумленно таращившего глаза и недоверчиво мотающего головой. (Этого не может быть! О господи... вот это да!)

В голове вдруг мелькнуло: *«А ведь хороша, да! Ее подкормить – округлится и будет просто красотка! Ей-ей, я бы за такой приударил... в юности. Деввица не хуже моих Таньки и Машки!»*

А потом Сергар выбросил эти мысли из головы, начав методично сбрасывать одежду. Через минуту на нем остались лишь трусы, раздеваться насовсем он не захотел. И так этот тип тарасил на него глаза, будто хотел вырвать сердце, и желательно через задницу. Снимешь с себя последний оплот нравственности, так, чего доброго, решит, будто хочешь трахнуть его мать! Поглумиться, так сказать, над ее бесчувственным телом.

Больше Сергар по сторонам не смотрел. Он аккуратно, стараясь, чтобы как можно большая площадь его кожи соприкоснулась с кожей пациентки, лег на женщину, вжимая в постель всем своим восьмидесятикилограммовым телом. Теперь оставалось только надеяться на то, что душа этой женщины не улетела далеко и все еще привязана к телу невидимой ниточкой. Если найти ее будет невозможно... тогда Сергар не знал, что ему делать. Совсем не знал. Воевать придется? Наверное...

– Ты чего делаешь?! – Рука мужчины схватила Сергара за плечо, сжала и оттолкнула от женщины, нарушив состояние транса. – Извращенец поганый!

Он потянул лекаря с женщины, и тот, не раздумывая, ударил невменяемого хозяина дома в солнечное сплетение, коротким, точным ударом, пробивая мышечную «броню» этого человека. А она была, «броня». Мужчина силен, очень силен! Не зря сказал, что был чемпионом, не соврал.

Хозяин дома охнул, задохнулся, но против ожидания – сознание не потерял. Он замахнулся, сделал ложный выпад и попытался врезать Сергару в нос, без размаха, красивым, округлым движением. Лекарь заблокировал удар, поймал руку противника и, вывернув специальным захватом, закрутил противника вокруг оси, используя энергию удара. Мужчина будто по мановению волшебной палочки приподнялся в воздух, вращаясь, пролетел метра три и врезался в стену, где и затих, тяжело дыша, глядя на Сергара мутными, осоловелыми глазами.

– Сдурел? – негромко спросил лекарь, досадливо кривя губы. – Ты какого черта на меня нападаешь? Я же сказал – тебе не понравится то, что ты увидишь! Мне нужен максимальный контакт с телом пациентки для большего эффекта лечения! Я соединяюсь с ней аурой! Мне не нужны ее женские прелести, черт тебя подери! Если не можешь спокойно смотреть, выйди и не мешай мне!

– Извини... – хрипло выдавил из себя помятый хозяин

дома, с трудом поднимаясь с пола. – Как увидел, что ты на нее влез... в голове будто что-то щелкнуло, и я... в общем – не буду мешать, работай! А вообще, стоило бы предупредить, и я бы понял. Захотел меня слегка проучить? Считай – проучил. И, кстати, силен ты, да. Айкидо? Все-таки я ведь мастер спорта, а это, считай, черный пояс. А ты меня так легко? Мда... теряю форму, или ты настолько силен? Впрочем – все, все – не отвлекаю, давай! Лечи! И постарайся, чтобы у тебя получилось...

Последние слова прозвучали как-то угрожающе, и Сергар для себя это отметил.

Да, сильные мира сего везде одинаковы. Никакие аргументы не принимаются, никакие форс-мажорные обстоятельства (как здесь их называют) не имеют никакой цены, дай результат, и все тут. А если результата нет, ты болван, бездельник и вообще ничтожество! Дай, через силу, через боль – дай, и все тут! А ты поинтересовался, а чего это все стоит лекарю? Может, это дело вообще опасное? Может, он устал, есть хочет, пить? Ты спросил?

Сергар вздохнул и снова взгромоздился на бесчувственную женщину. Теперь его ничто не должно отвлекать, о чем он тут же известил «зрителя», сопевшего в кресле в пяти метрах от лекаря и утиравшего красные сопли. Когда уж успел ему навесить, сам не заметил. Может, об стену ударился? По носу вроде и не бил... Но хватит. К делу!

Сергар выпустил из себя сотни тысяч тонких силовых ни-

тей-щупалец. Эти нити не были материальными, и он никогда не смог бы сказать, из чего они состоят. Все, что лекарь знал – ему нужно проникнуть в мозг, в сознание пациентки, и вытащить из глубин подсознания хозяйку тела. Вернее, ее душу. И мозг Сергара реагировал так, как нужно.

Соединение с подсознанием пациентки было как всегда неожиданным, ошеломляющим, будто бросился в ледяную воду. Только что ощущал себя лекарем, лежащим на обнаженной пациентке, чувствовал ее гладкую кожу, жар тела, запах лекарств и спирта, тонкий запах каких-то духов, неведомым образом сохранившийся в постели больной, и вдруг... вспышка! Свет! Вокруг – белым-бело, как в середине зимы!

Да, это была зима. Сергар брел по тропе между высоченных, заиндеветших от мороза сосен по колено в снегу, похоже, что ночью был снегопад, метель, и тропу почти совсем замело. Снег сверкал под солнечными лучами так, что больно было смотреть. Снежинки переливались, вспыхивали драгоценными камнями и осыпались на тропу, кружась в воздухе, как огромные цветы.

Слишком огромные! – понял Сергар и тут же вспомнил: он в сознании пациентки. Это ее воспоминания, ее память, ее картинка мира, которую женщина выстраивает на основе обрывков нитей-связей, которые были оборваны при повреждении мозга. Мозг теперь здоров, но кто восстановит, свяжет вместе эти нити? Кто вылечит душу пациентки, в которой все перемешалось, как в салате «оливье», ритуально

приготавливаемом на Новый год? Сергар еще никогда не занимался такой сложной работой и не был готов к подобному лечению.

– Догоняй! – Звонкий женский голос в морозном воздухе ударил по нервам, как кнутом пастуха, и Сергар увидел, что впереди по тропе бежит молоденькая девчонка – в сарафане, развевающимся на бегу, как флаг. Она бежала легко, как олениха, спасающаяся от волчьей стаи, и почти не касалась снега, оставляя на нем неглубокие, тут же зарастающие следы.

Сергар рванулся следом, побежал и... по шею утонул в снегу. Холодном, колючем, стягивающем руки и ноги не хуже, чем зыбучая грязь. Будто кто-то огромный, холодный ледяными ручищами тянул Сергара вниз, лишая воздуха, замораживая, выкручивая суставы невыносимой, болезненной судорогой.

* * *

«...каждый лекарь из тех, что дерзновенно решил погрузиться в пучины чужого разума, должен осознавать – это погружение несказанно опасно! Только немногие, самые сильные из нас могут безнаказанно войти в чужой разум и вернуться, избежав ловушек, не будучи поглощен сознанием пациента. Мозг человека подобен целому миру, вселенной, и когда крохотная песчинка под названием «лекарь» попадает

в эту вселенную, то какой бы он силы не был, какой опыт бы не имел в деле лечения души, все равно остается шанс того, что лекарь не вернется из смертельно опасного погружения. Дважды я сам, лекарь волей богов, едва не погиб в глубинах чужого мозга и спасся лишь горячей молитвой, да знанием правил погружения, главным из которых является одно: не верь ничему из того, что ты видишь! Как только поверил – погиб!»

Индар Гарун, Кайларская академия, трактат «*О таинственных явлениях в человеческой психике, методы лечения душевной болезни*».

Полустертый штамп «...библиотеки... закрытой... по решению Ректора».

Надпись выцветшими чернилами, росчерк: «*Изъять из перечня научных работ по причине еретичности данного трактата*».

Ниже надпись, выцветшая, едва видная: «*Идиоты! Академия превратилась в оплот жрецов и фанатиков! Чтоб вас понос прошиб всех!*»

Еще ниже, коряво, с ошибками: «*То-то, думаю, чегой-то меня вчера понос прошиб?! А это из-за тебя, гад! Нада точно писать, кого проклинаешь, дебил!*»

* * *

Нужные знания всплывают сами, и тогда, когда нужно.

Или не всплывают. Это уж у кого как. У Сергара в моменты опасности сознание делалось ясным, как воздух звонким осенним утром, когда солнце разгоняет предутренний туман и наполняет мир остатками летнего тепла.

Вот и сейчас, в тот самый момент, когда отчаяние начинало туманить мозг, когда надежда ушла, и вместо нее пришел снег, засыпавший выше головы, задавивший, сковавший, как куча стальных цепей, Сергар вспомнил. Заставил себя успокоиться, и...

Снег исчез! Совсем! Будто его и не было! Вокруг – бескрайние просторы, холмы, заросшие невысокой изумрудно-зеленой травой, синее небо, в котором висит яркий фонарь солнца, и впереди, далеко – фигурка человечка, маленькая такая, как букашка, как муравей, ползущий по оконному переплету.

Сергар побежал. Он бежал все быстрее, быстрее, быстрее, наращивая скорость с каждым шагом, а потом... потом лекарь засмеялся, захохотал, очутившись вдруг в седле великоколенного угольно-черного коня с развевающейся по ветру гривой!

Земля мелькала под ногами, сливаясь в однообразную размытую зеленую полосу, мгновения, секунды... а может, минуты? Здесь нет времени. Нет пространства. Здесь только воля человека. Воля Сергара. И он может делать все, что захочет!

Молоденькая девчонка в легком сарафанчике. Если бы

Сергар не видел ее прототип, лежащий на постели – точно бы ее не узнал. Ничего от старушки, которую он лечил на мостовой. Ничего... кроме глаз. Большие, какие-то по-детски восторженные, любопытные, они смотрели весело и с вызовом, разглядывая Сергара, как какого-то неведомого зверька, непонятным чудом заброшенного на стол обычной московской квартиры, рядом с тетрадами, в которых девчонка выполняла школьное домашнее задание.

– Привет. Ты за мной? Хочешь меня вернуть? – Голос девочки заставил «вздрагнуть» Сергара. Этот голос был так похож на голос той старушки, которой девочка стала через много, очень много лет, что образ девчонки вдруг затуманился, и сквозь него проступили старческие черты. Но лишь на мгновение. Потом все стало прежним.

– Да, я хочу тебя вернуть. – Сергар постарался, чтобы его «голос» звучал доброжелательно и весело, будто он разговаривает с давно знакомой девицей, можно сказать – подружкой.

– Зачем? – не удивилась девочка. – Я не хочу туда! Мне здесь хорошо! Очень хорошо! И я никуда не пойду! А ты злой. Это тебя мой сын прислал? Он вор! Я его люблю, ведь как можно не любить своего сына? Глупо было бы не любить его, правда? Но он вор! И я на него сердита! И на людей сердита! Плохой мир они создали. Не такой, о котором мы мечтали. И я не хочу туда! Не-хо-чу!

Последние слова девочка буквально выкрикнула, покрас-

нев от ярости, мотая головой в знак отрицания так, что ее волосы разметались вокруг головы, как светящийся ореол. А потом девочка напала.

Только она уже не была девочкой. Молодая сильная девушка с рельефными мышцами и довольно-таки высокой, крепкой грудью, схватила Сергара за ногу и стащила с коня, припечатав к земле, будто букашку.

Сергар никогда не был слабым человеком, но здесь, в ее мире, он вдруг стал беспомощнее младенца, девушка легко пресекала его попытки освободиться и лишь улыбалась – ехидно, будто видела противника насквозь и считала его жалким, неспособным ни на что слюнтяем. Ее красивое, со слегка впавшими щеками лицо было так близко к лицу Сергара, что он вдруг ощутил запах духов – тех духов, которыми пахла женщина, лежавшая в кровати. Сладкий запах, обещающий покой, умиротворение и любовную негу после бурной ночи страсти... запах женщины, знающей себе цену, опытной обольстительницы, у ног которой штабелями валяются возбужденные мужчины.

Нет, запах не был запахом этой девушки. От девицы должно было пахнуть сгоревшим порохом, по€том, выступившим на коже после пробежки под жарким солнцем, машинным маслом и острым запахом бензина. Гламура в этой женщине не было совсем никакого.

В голове вдруг мелькнуло: «Наверное, эти духи принадлежали медсестре или лекарке. Поправляла ей постель, вот

и впитался запах».

А потом стало не до мыслей о запахе – девушка вдруг изогнулась, как атакующая ласка, и впилась губами в губы Сергара, теплыми, упругими губами, почему-то пахнувшими кофе и пряностями. Девушка уже была обнажена, как ее реальный персонаж, лежащий в постели под Сергаром. Гладкое тело не было таким худым, как у хозяйки сущности, под кожей чувствовались сильные, тренированные мышцы, перекачивающиеся при каждом движении, а этих движений было предостаточно... Девушка беззастенчиво и со вкусом трахала Сергара, будто он не был сильным мужчиной, а она не была женщиной, которой положено быть слабее своего партнера! И он ничего не мог с этим поделать! Или не хотел? Ему было хорошо. Очень, очень хорошо.

Потом они лежали рядом, глядя в чистое небо, по которому ветер гнал облака, и молчали – каждый о своем. Сергар лениво думал о том, что теперь скажет сын этой женщины, ведь все происходящее здесь перекликалось с происходящим там, в реальном мире. И там он занимался сексом с матерью одного из самых опасных людей, которых встречал в своей жизни. Перед его глазами, надо заметить. И был совершенно беззащитен, находясь в состоянии транса, полностью уйдя в сознание этой женщины.

О чем молчала женщина, плечо которой касалось плеча Сергара, он не знал. Возможно, ни о чем. Просто лежала и наслаждалась покоем, тем покоем, о котором мечтает каж-

дый человек.

– Останься со мной, – вдруг попросила девушка, повернув к нему лицо, совершенное, будто выточенное резцом скульптора, – зачем тебе туда? Там злые люди, там беда, там все плохо! Там все лгут и воруют! Зачем тебе туда?! Останься!

– Не все лгут. И не все воруют, – спокойно ответил Сергар, закинув голову девушки себе на плечо и погладив ее крепкую грудь с напрягшимся крупным соском. – Ты же знаешь, есть много людей хороших, очень хороших! Ну, вот ушла ты сюда, бросила мир, он что, от этого стал лучше? Стал добрее? Просто в мире стало на одного хорошего человека меньше – вот и все.

– Злые, злые! И сын! Он ведь не был таким! Все деньги, деньги, деньги проклятые! Страну развалили, людей превратили в зомби, в упырей, которые думают только о деньгах, которые избивают женщин! Нет! Не хочу туда! Останься со мной... ты хороший, я же вижу! Я злых людей сразу отличаю, от них пахнет злом! Серой! Как от Сатаны! Как от того типа, что бил девушку!

– Тип наказан. Я его избил. И будет наказан еще – твой сын об этом позаботится. Он очень тебя любит, он готов все для тебя сделать, все, что может! Кстати, если ты хочешь изменить мир, почему бы тебе не воспользоваться его деньгами? Помогать бедным, учить людей добру? Теперь у тебя вся жизнь впереди, ты молода, красива, с твоими знаниями и с деньгами сына – ты столько можешь сделать, столько добра!

Это твой шанс! Вернись и займись делом! Ты ведь дезертирка! Ты сбежала! Ты испугалась, сбежала, предала жизнь! Так нельзя. Нужно вернуться. Обязательно нужно вернуться. И делать добро.

– Вернуться... – тихо повторила девушка и улыбнулась уголками рта. – Делать добро! А ведь ты прав. Я не подумала. Ведь можно и зло заставить служить добру, правда же?

– Правда! – как можно искренне сказал Сергар, который совсем так не думал. Он не раз видел, как совершалось зло – якобы ради добра. Люди всегда сумеют подвести базу под свои злодеяния, и только Создатель может рассудить, настоящее ли это было добро или же все-таки зло ради зла.

– Хорошо. Я возвращаюсь! – Девушка улыбнулась и погрозила Сергару пальцем. – Но ты не сбегай от меня, парень! Впрочем, и не сможешь. Я хорошо бегаю. Догоню!

И они вернулись.

Глава 3

Первое, что сделал – спрыгнул с кровати и приготовился к бою. Если то, что происходило в нереальном мире, повторилось и здесь, перед глазами ее сына – результат непредсказуем. Прострелит башку, и вся недолга!

С простреленной башкой никакая магия не поможет. Вся магия в голове, чего бы там не говорили ученые мужи Кайларской академии. Это у них, обжор, магия располагается где-то рядом с пупком, а у нормальных людей – в мозгу.

Нет, никто не попытался снести Сергару голову, и никто не попытался его кастрировать, воздавая за преступление (а разве не преступление заниматься сексом с пациенткой? И никого не будет волновать, что она сама фактически напала и изнасиловала своего лекаря!).

Мда... как там говорилось? «О времена, о нравы?» Вроде как из какой-то земной пьесы... слышал где-то.

В комнате никого не было. Ни врача, ни сына пациентки, раскинувшейся на широкой постели. Сергар украдкой шупал себя – в самых что ни на есть интимных местах... нет, следов прелюбоддеяния не имеется. То, что произошло в нереальном мире, никак не отразилось в мире настоящем. На Сергаре все так же надеты трусы, а его «хозяйство», хоть и возликовало и напряглось при соприкосновении с телом красивой женщины, но не растратило напрасно пригото-

ленные, накопленные «богатства».

И снова, снова пожалел, что не взял с собой девчонок – молодое, двадцатилетнее тело требовало секса, любовных удовольствий во что бы то ни стало. Усмехнулся, так-то он никогда не был сексуальным маньяком, ежеминутно думающим о том, чтобы влезть на первую попавшуюся женщину, но... любил это дело, да. К тридцати годам, правда, успокоился – не до того стало. Не до женщин. Выживание – вот главное. А уж потом, когда заработал денег, в эти недельные загулы, когда не помнишь, с кем пил, зачем пил и что пил – тут уже и женщины – сколько угодно. Но... их и женщинами-то назвать трудно, так... девки. Женщина – совсем другое. Вот на кровати сейчас лежит женщина. И красивая, ох, какая красивая! Везет ему на красивых женщин. Или это некая закономерность? Он и сам вроде не урод... вернее, Олег не урод. Да и добавил себе красоты... для рекламы.

Нет, все-таки забавно, смотришь на эту девицу и узнаешь, да, это та самая старушка, но только вот старушечьего в ней не осталось совсем ничего. Если только глаза? Смотрит недоумевающе, ничего не поймет... и действительно – для нее ведь это сон! Она спала и во сне видела своего... хмм... собеседника. А теперь вот проснулась, и этот парень, которого она сосредоточенно и умело оттрахала во сне, стоит перед кроватью! Интересно, как бы на такую ситуацию отреагировал сам Сергар?

Около минуты они смотрели друг на друга – женщина,

широко раскрыв глаза от удивления, Сергар, слегка улыбаясь, насмешливо и доброжелательно одновременно. Потом старушка-девушка обнаружила, что лежит перед незнакомым парнем совсем обнаженная, взвизгнула, уцепила край простыни, мгновенно прикрылась, покраснев, будто молоденькая девушка, в первый раз оставшаяся наедине со своим будущим любовником.

Прикрывшись, слегка успокоилась, снова принялась внимательно разглядывать Сергара, начавшего одеваться. Когда он надел штаны и потянулся за рубахой, вдруг спросила:

– Я тебя видела во сне. Ты кто? Я где-то тебя видела... не во сне...

– Я твой лекарь. Хмм... врач. Меня зовут Олег. Ты болела, я тебя вылечил. Ты помнишь все, что с тобой было?

– А почему ты, молодой человек, зовешь меня на «ты»? – Пациентка нахмурилась и укоризненно покачала головой. – Молодежь, молодежь... никакого воспитания! Я ведь раза в четыре старше тебя!

– Разве? – Сергар рассеянно натянул на себя рубаху, поправил воротник. – Посмотри на себя. Внимательно посмотри... девочка.

Он ухмыльнулся и принялся надевать ботинок. Когда за спиной раздался возглас удивления, даже не возглас, а что-то вроде сдавленного писка, повизгивания, еще раз ухмыльнулся и, обернувшись, подмигнул девице, зажавшей ладонями груди и вытаращенными глазами разглядывающей вытя-

нутую вверх, к потолку, ногу.

– Ну что, старушка, хороша? Худовата только, а так... все есть! Теперь тебе лет двадцать, как и мне. Пойдешь в ночной клуб? Потанцуешь? Хе-хе-хе...

– Как?! Как это может быть?! – Девушка потрясла головой. – Может, я сплю?! Так и не проснулась?! Может, ты мой сон?! О господи... я же с тобой во сне... ох... нет, не может быть!

– Что не может быть? – Сергару становилось все веселей. – Оттрахала меня, и не может быть? Еще как может! Вот это старушка, вот это... хе-хе-хе... я и пикнуть не мог!

– Господи... да я даже имени твоего не знаю... Олег, говоришь? Откуда ты взялся, Олег? Что вообще происходит?! Где я?!

– Ты в доме своего сына. – Сергар уселся в кресло и расслабленно вытянул ноги. – Тебя ударили. Ты упала, разбила себе голову. Я вылечил тебя физически. Но твой разум улетел от тела. Мне пришлось войти в твое сознание, найти твою сущность, уговорить вернуться. Ты вернулась. И да, побочное явление моего лечения – это омоложение. Твой сын сказал, что ты доктор наук, биолог, так что должна понять, я влил в тебя специальное снадобье и воздействовал на твой организм магией. Я маг, колдун, или как их еще называют – экстрасенс. После того, как организм вернулся к пику своего здоровья – ты омолодилась, ведь этот самый пик приходится на 20–30 лет. Тебе сейчас, вероятно, от восемнадцати до

двадцати лет. Все понятно?

– Ох... нет, я не верю... я не верю! Этого не может быть! Я сплю и вижу сон! Это сон! Сон! Сон! Маги?! Какие маги?! Жулики твои экстрасенсы! Жулики! Я разоблачала всех этих жуликов пачками! Пачками! Аферисты! Этого не может быть!

Сергар подошел к женщине, сел рядом. Она не отодвинулась, смотрела во все глаза, потом протянула руку и потрогала плечо лекаря. Сергар усмехнулся и вдруг мгновенно ущипнул пациентку за голый бок, незаметно просунув руку под простыню.

– Ай! Больно, черт тебя подери! Чего творишь-то?! – Пациентка обиженно потерла бок и вдруг внимательно, затуманившимися глазами посмотрела на Сергара. – А ты хорошенький. Мечта женщин! Хорош, да... очень хорош...

Она облизнула губы и снова, протянув руку, погладила лекаря по руке:

– Надо будет поговорить с тобой поподробнее... обо всем. Как я себя хорошо чувствую! Уже и забыла, как это, когда не ломит в коленях, когда не болит спина, когда... впрочем, чего это я? Тебе не интересны старушечьи жалобы. И правильно. Ерунда это все!

Она замолчала, прервав свой словесный поток. Сергар сидел неподвижно, глядя в пространство, и с некоторой досадой думал о том, что придется проводить еще один сеанс, но только попозже. Не сейчас. Почему не сейчас? Потому,

что очень неплохо будет иметь рычаг воздействия на олигарха, или как его там... в общем, того, кто вытащил из полиции. Кстати, непонятно, как он это все проделал. Совсем даже непонятно.

Вдруг стало смешно – «иметь рычаг»! Поиметь, ага... Нет, спать со «старушкой» он не собирался. Хотя она была точно не против, и немудрено – после лечения втрескалась в своего лекаря, все – как обычно. Пусть немножко пострадает, по-вздыхает – ничего страшного. Зато случись что-то, и Сергар сможет воздействовать на ее сына через мать, сын ее любит и сделает для нее все, что угодно. Ну... почти все. Наверное.

И тут же стало слегка противно – использовать несчастную пациентку, воспользоваться ее болезнью (а что такое, как не болезнь – это наведенное состояние патологической влюбленности?!), для того чтобы манипулировать другим человеком, ее сыном? Полнейшее, гадкое нарушение лекарской этики. Свинство, честно сказать!

А с другой стороны – а что делает ее сын? Зачем он вытащил Сергара из тюрьмы? Не из благодарности к тому, кто вылечил его мать. Не из альтруистических соображений, совсем нет – заработать хочет. Хочет стать еще богаче, получить больше власти, управлять Сергаром, манипулировать им! Так кто хуже? Лекарь, который пытается выжить, или олигарх, который хочет стать богаче, нагрести больше, как можно больше денег?

Вот никогда Сергар не понимал этих богачей – ну зачем

им столько денег? В могилу с собой их не заберешь, жизнь деньги навечно не продлят, съесть и выпить больше, чем вмещается в желудок, ты не сможешь, так зачем? Зачем просиживать дни и ночи в конторе, в лавке, в офисе, планируя, осуществляя свои великолепные операции, умножая и без того большое богатство? Интригуя, переживая, наживая болезни, которые сведут в могилу!

Впрочем, насчет продления жизни – это он слегка погорячился. Деньги все-таки удлиняют жизнь, точно. Сергар действительно слышал про миллиардера, который сделал то ли пять, то ли шесть пересадок сердца и дожил до ста лет. А если бы у него не было денег? Может, он лет в семьдесят уже бы и помер? Все может быть...

Позади что-то зашуршало, но Сергар не стал оборачиваться. Когда женщина спрыгнула с постели и зашагала по комнате, он встал, пересел в кресло, озабоченно поглядывая в окно, за которым виднелся подсвеченный огоньками сад, луна, висевшая над большим развесистым деревом, похожая на отполированный медный щит. Темно, похоже, глубокая ночь.

Интересно, сколько времени он путешествовал по сознанию пациентки? ТАМ время не существует. Может, прошла одна секунда, а может, часы или даже дни. Безвременье. В нем возможно все.

– Я... я не знаю, что надеть... – потерянным голосом сказала женщина и запахнула махровый халат, обхватив себя

руками, будто мерзла. – Тут ничего нет для меня. Вот, только халат нашла. И рубаха была... А где он сам, Виталик?

«Хотелось бы знать, где этот чертов Виталик!» – подумалось Сергару, но вслух он ничего не сказал, промолчал. И правда, куда тот подевался?

– И как мне жить дальше? – вдруг спросила пациентка, и Сергар усмехнулся уголком рта:

– Счастливо, как же еще?

– Ты не понимаешь! – с ноткой раздражения констатировала бывшая старушка. – Я на пенсии, живу в обычном доме, в двухкомнатной квартире, меня все соседи знают. Представь, я прихожу домой такая... хмм... ну... вот такая! (Она провела руками по бедрам и вздохнула.) И что решат соседи? Что какая-то воровка убила старушку и пришла пожить у ее добром! И как тебе это?

– Никак, – отрезал Сергар. – Не о том думаешь. Иногда я вообще не понимаю людей! Ты получила второй шанс, жизнь заново. Молодость, здоровье – такого здоровья, возможно, у тебя не было вообще никогда в жизни! И ты говоришь о своей жалкой пенсии?! О своей поганой квартире? О каких-то там соседях, которые примут тебя за воровку? Ты вообще в своем уме?! Ты знаешь, сколько людей отдали бы все, чтобы оказаться на твоём месте?! Начать все сначала, стать молодой, красивой? Сбросить пятьдесят лет жизни?

Они помолчали, и женщина, как-то виновато улыбнувшись, дрогнувшим голосом сказала:

– Ты прав... дура я. Совсем дура. Мозги перекошило от всего происходящего, и не сообразила. Правда, что мне в тех документах? Что мне в этой проклятой квартире? Жизнь с начала – это ли не счастье?! С моими знаниями, с моим опытом... Впрочем, на кой черт мне этот опыт?! Вот я – доктор наук, биолог, врач-эпидемиолог, а чего добилась? Квартиру дали? Так не мне, мужу, военному! Не мне! Всю жизнь возилась в трупах лабораторных крыс, в кишках покойников, людей спасала, и что получила? Пенсию в пятнадцать тысяч – и то спасибо! Персональная пенсия! У других меньше! А сын вот бросил научную деятельность, занялся политикой, бизнесом, этим грязным делом – и сам видишь, что получилось! Такое государство развалили, такое государство! Негодяи!

Ее голос осекся, она бессильно махнула рукой, уселась в другое кресло, возле окна. Помолчала и, видя, что Сергар никак не комментирует ее слова, усмехнулась:

– Думаешь, чего я так разбушевалась, да? Обидно, понимаешь... меня воспитали патриоткой. Родители воевали, мать снайпершей была, отец всю войну прошел – вот скажи им, что родины, за которую они бились с фашистами, больше нет. Развалилась на несколько стран, большая часть из которых просто ненавидят Россию – что бы они сказали, мои старики? Да они плюнули бы в глаза негодяю, который сказал такую подлую гадость! Они руки бы ему скрутили и отвели куда надо, чтобы не смущал умы честных граждан! Что натворили, ну что натворили, а?! Вот сын мой – откуда у него

такое богатство? С дружками своими институтскими нахапали, наворовали, у народа из кармана забрали! А разве я этому его учила? Разве я так хотела?! Я видела его профессором, академиком, возможно даже нобелевским лауреатом! Человеком, которым можно гордиться! А теперь что? Вижу в новостях его фамилию и каждый раз жду известия, что его ведут под белы ручки прямо к судье! Чтобы ответил за свои преступления! Что, ЭТО нормально?

– Не знаю, – сухо сказал Сергар, воспользовавшись паузой перед очередным монологом возмущенной дамы. Он прекрасно понимал, что происходит, потому и помалкивал – пусть выговорится. Словесный понос – нередкая реакция на такое глубокое лечение. Все реагируют по-разному, зависит от пациента. Кто-то пытается наброситься на лекаря и тут же заняться с ним сексом, кто-то плачет, кто-то истерически смеется, не в силах остановиться. Ну и у некоторых случается словесный понос, когда они выдают все, что накопилось у них в мозгу, рассказывая такие вещи, которые и близкому-то человеку рассказать не совсем удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.